

A detailed fantasy landscape illustration. In the foreground, a warrior with a red plumed helmet and brown leather armor stands on a dirt path, looking away from the viewer towards a vast mountain range. The warrior has a sword on their back and a staff or spear. The middle ground is a lush valley with green grass, yellow wildflowers, and scattered rocks. In the background, towering, jagged mountains rise, some covered in snow and partially shrouded in mist. The sky is bright with soft clouds. The overall style is highly detailed and atmospheric.

**Охота. Хранитель ключа.
Часть 1**

Алексей Пыжов

Алексей Пыжов
Охота. Хранитель
ключа. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72447769

SelfPub; 2025

Аннотация

Мир который является "перекрестком" дорог, ведущих..., или ранее существовавших между другими мирами. При переходе по такой "дороге" наш герой теряет память о своей прошлой жизни. И теперь ему предстоит учиться жить заново, получить новое имя и сделать свои первые шаги по изучению магии. Ему придется пройти через испытания, приключения, погони и нападения. Защищать других и одновременно защищаться самому, изучая и постигая новый мир. Кем ему предстоит стать, покажет время...
Серия «Охота»:Если вам понравились мои произведения.,

Алексей Пыжов

Охота. Хранитель ключа. Часть 1

О Х О Т А.

ХРАНИТЕЛЬ КЛЮЧА.

(Часть 1)

Алексей Пыжов

Глава 1

Я стрелок из отряда лучников. Стою на крепостной стене замка и стреляю по нападающим. Не могу сказать, что каждая моя стрела попадает в цель, но нападающих такое количество, что промахнуться просто не возможно. Они бегут к стене сплошной толпой и надо быть совсем безруким, что бы ни попасть хотя бы в кого-нибудь. После каждого выстрела меняю позицию, переходя к соседнему проему между зубцов. Делаю выстрел и сразу же прячусь за каменным зубом. У нападающих хватает метких лучников и если стрелять с одного места, они обязательно приметят. Я в очередной раз поменял позицию, выглядываю с уже натянутым луком, стреляю и сразу же прячусь. На стене уже хватает самоуверенных, но мертвых стрелков из нашего отряда. Лично я хочу выжить и по этому, каждый раз после выстрела перехожу на зубец или два в сторону.

В самом дальнем конце стены северной полу-башни, появляются люди в странных плащах, не цветов моего хозяина. Они бегут по стене, кричат и размахивают мечами. Я не мечник. Железяка на моем поясе, которая постоянно мешает и при движении цепляется за все подряд, скорее, для красоты или придания мне солидности, чем для боя. Учитель, из числа замковых, плюнул на меня, как на мечника, на третий день тренировок, сообщив при этом потрясающую новость, как будто я сам этого не знал.

– Ты дубина, с мечом быстрее сдохнешь, чем без него.

Я с ним был не согласен, но перечить учителю, только вредить самому себе и добросовестно старался научиться, если не фехтовать, то по крайней мере защищаться. Три месяца упорных тренировок с полосой железа, называемой мечом, научили меня не ронять его при любом ударе и мало-мальски отбивать удары при атаках. Но за это время я еще научился неплохо метать ножи и стрелять из лука. Арбалет в мои руки не попал из-за дороговизны и редкости, а кузнец, которому я предложил сделать мне арбалет, выгнал меня из кузни. Указав направление, в котором мне непременно надо пойти, и запретил показываться ему на глаза.

Лук – это мое основное оружие, из которого я вполне сносно стреляю и даже попадаю в круговую мишень с пятидесяти метров, если просто стреляю. Некоторые могут сказать, что я неумеха, но у меня есть одно преимущество. Я могу направить стрелу, куда мне надо. Не знаю, как это по-

лучается, но стрела, выпущенная мною из лука, попадает в цель даже с двухсот шагов, а дальше мне и не нужно. После замковых соревнований, хозяин замка, определил меня в отряд лучших лучников и теперь я стою на самой высокой стене и стреляю в нападающих.

В самом дальнем конце стены северной полу-башни появились чужие. Я их заметил краем глаза после очередного выстрела, спрятавшись за зубцом. Впереди бежал громила наголову выше меня, в блестящих доспехах с глухим шлемом на голове. Поразить такого из лука очень трудно, тем более, когда он движется и дергается из стороны в сторону. Расстояние быстро сокращается. В голове пронеслась моя жизнь и вариант моей смерти. Громила в руках держит топор и вариантов для моего выживания, я не вижу, если только сигануть со стены и научиться летать.

Я поспешно засунул лук под колени, присел, поднял руки вверх с открытыми ладонями и уставился на мою приближающуюся смерть. Громила, пронеся мимо, крикнув на ходу.

– Хрипа, добей!

Кто из бегущих за ним, Хрипа? Я естественно не знал и ждал удара от каждого пробежавшего мимо, но остановился напротив меня последний. Он остановился с победной ухмылкой и сделал богатырский замах своим мечом. Какой наивный человек. Я не собирался принимать смерть как баран на бойне. Резкий подъем на ноги, выброс руки вперед и этот, самонадеянный идиот захрипел с ножом в подбородке.

Подлый удар, но моя жизнь мне дороже, чем его. Незначительный толчок в грудь, заставил Хрипа опрокинуться через невысокий внутренний барьер и молчком полететь внутрь замкового двора со стены, вместе с моим ножом. Жалко. Нет, не этого идиота, нож жалко.

Лук сам собой оказался у меня в руках, стрела на тетиве и я ловлю спину последнего нападающего. Хлопок, он оседает на площадке стены. Второй, третий выстрелы и остается последний в глухих доспехах. Он успевает обернуться и замереть, а стрела, направленная моим желанием вонзается в щель шлема и громила опрокидывается на камни, с характерным звуком железной бочки.

В моей душе не шелохнулся червячок сожаления или жалости. Это были враги, а врагов жалеть не положено. Я разворачиваюсь к промежутку между зубцов и стреляю в нападающих. Но понимаю после очередного выстрела, что мои усилия бесполезны и если нападающие уже в замке, и добрались до верхней галереи ...

Колчан со стрелами пуст, другой в десяти шагах от меня прислонен к стене, но на всей стене я остался один. Бегу за стрелами, спотыкаюсь о мертвого нападающего, подаю плашмя и на некоторое время теряю контроль над окружающим. От сильного удара обо что-то твердое перехватывает дыхание. Рядом пробегают ноги, пытаюсь, не поднимая головы рассмотреть пробегающих. Четыре пары ног миновали меня и скрылись в двери башни.

Там, этажом ниже, семья хозяина и его личные покои.

Бегу за нападающими, на ходу подхватываю колчан со стрелами и с сожалением отмечаю, не бронебойные – срезы. Подходят для плохо защищенной пехоты, против пробежавших бесполезны, но других нет. Выскакиваю на площадку башни и слышу топот сапог по лестнице вниз, оборачиваюсь и захлопываю дверь, запирая ее на поперечный брус. Мне враги за спиной ни к чему, хватает бегущих впереди. Стараюсь не топтать по ступенькам как слон, но это плохо получается с деревянными подошвами, и я не спешу, стараюсь не шуметь.

Дверь в коридор, на жилой уровень хозяина, закрываю за собой на всякий случай. Здесь деревянного бруса нет, только железная щеколда. Она долго не удержит нападающих, но все равно лучше, чем ни чего. Убегать наверх бесполезно, а в кабинете хозяина имеется тайный ход. Правда не знаю, куда он ведет, но это можно проверить. Этот тайный вход я подсмотрел случайно.

Стоял на посту перед дверью в личные покои хозяина. Спать хотелось ужасно после целого дня тренировок, но я терпел, не поддаваясь сну, и все равно не заметил, когда в коридоре появился человек в темном плаще с накинутым капюшоном. Не высокий, щуплый, горбоносый с неприятными глазами. Заметил я его вовремя и преградил дорогу.

– Спишь, скотина? – зло спросил он. – Уйди. – Потребовал он и добавил. – Я к хозяину.

Я понимал, что провинился, но и без разрешения пропустить его не собирался, и естественно не уступил дорогу.

– Уйди. – Вторично потребовал он и не увидав моей реакции сделал шаг на сближение. Из моих ножен с шелестом выскользнул меч, он остановился, уставившись на острие, ухмыльнулся и опять потребовал, но другим тоном.

– Стукни в дверь.

Его я раньше в замке не видел, не поворачиваясь к нему спиной, стукнул в дверь три раза. За моей спиной скрипнула дверь и голос хозяина произнес одно слово.

– Пропусти.

Шаг в сторону и не добрый взгляд на коротышку. Дверь хлопнула, но плотно не прикрылась. Я услышал одобрительную похвалу в мой адрес от человека в плаще.

– Упертый. Этот не предаст.

Дальше были приглушенные голоса, а когда я скосив глаза, заглянув в щель, хозяин собирался выпустить своего посетителя через тайный проход. Он ухватился за канделябр на стене, потянул его на себя и повернул в сторону, горизонтально полу. В стене приоткрылась щель и человек в плаще проскользнул в нее. Больше этого посетителя в замке я не видел.

Коридор, пусть и не длинный, с единственным факелом на три двери в личные покои семьи хозяина, освещался не очень хорошо. Я сделал пару шагов и прислушался, первая дверь в спальню хозяйки приоткрыта. Оттуда слышится

приглушенный разговор, возмущенные возгласы хозяйки и неясное бормотание. Тяну дверь на себя осторожно, стараюсь не скрипнуть, заглядываю в спальню. В большой комнате трое нападающих. Один резвится на хозяйке с голым задом и усиленно сопит. Второй стоит ко мне спиной со спущенными штанами и терпеливо ждет своей очереди ... Ни когда не любил насильников, но в этом мире мужчины редко спрашивают согласие женщин, но это не меняет моих взглядов. Третий согнулся над сундуком и увлеченно копается в нем, выставив напоказ не защищенную кольчугой свою задницу. Грех не воспользоваться таким случаем. Моя стрела со срезом вошла аккурат между половинок и опрокинула любителя женских тряпок в сундук, заглушив его возмущения. Любитель вторых ролей получил нож в затылок, на палец выше кольчуги и молчком осел на пол, так и не поняв, что его убило.

Насильник все еще пыхтел и дергался, не оборачиваясь, что-то пробормотал. Рубить его шею мечом или убить стрелой, я не решился, есть шанс навредить хозяйке – хозяин этого не простит. Для женщины, лечь под мужчину, не такое уж и не приятное действие. Насилие, конечно неприятно, но не смертельно и я решил подождать.

Насильник отмучавшись, начал подниматься с кровати, сползая голым задом вперед и одновременно поворачиваясь лицом в мою сторону. Стрела сорвалась с тетивы и угодила насильнику под подбородок, опрокинув его на хозяйку. В

голове промелькнула мысль о возможном ранении хозяйки, но я только скривился. Возмущенный возглас, но не очень активный, прозвучал из-под упавшего тела, я рывком сбросил насильника на пол, укоризненно посмотрел на хозяйку и посоветовал.

– Собирайтесь, пора уходить.

Мои слова пропали в пустоте непонимания. Она, закрыв лицо руками, свела вместе ноги, повернулась на бок ко мне спиной и подтянула их к животу.

Из соседней комнаты раздался истерический крик и я бросился туда.

Еще одна комната, еще одна кровать и одетый в железо мужчина пытается получить от старшей дочери хозяйки, то же самое, что другие получили от самой хозяйки. Девочка отчаянно сопротивлялась, но задранное платье и голый зад очередного насильника, подтолкнули меня на решительные действия.

Нож вошел в шею с боку, выпустив струю ярко красной крови и вызвав хрип. Дождаться последних конвульсий я не стал, сдернул мужчину с девочки и приказал.

– Быстро, одевайся, уходим. Замок взят.

– Мама? – Еле слышно проблеяла девочка.

– Там, жива. – Я кивнул на стену комнаты. – Где остальные?

Все знали, что у хозяйки трое детей – две девочки и мальчишка. Мой вопрос не удивил девушку. Она затравленно за-

озиралась, одновременно прикрываясь обрывками платья, и нерешительно указала головой на дверь в соседнюю комнату. Двое младших нашлись за диваном прижавшись друг к другу. Я глянул на мальчика и спросил.

– Ты меня знаешь? – Он утвердительно кивнул головой. – Надо уходить. Замок взят.

Он сглотнул, кивнул головой, дернул сестренку за одежду и спросил.

– Куда?

– Не знаю, но в замке оставаться нельзя.

– Мой отец?

– Не знаю.

– Мама?

– В соседней комнате.

– Надо ее забрать.

Я протянул ему руку, помог выйти из-за дивана и кивнул на его сестренку.

– Отвечаешь за нее. – Он понимающе кивнул головой. Я вышел из комнаты. Старшей дочери хозяина на кровати уже не было. Выглянул в коридор, готовый к любым неожиданностям и бегом в комнату хозяйки. Обе женщины лежали на кровати, вцепившись друг в дружку. Уговаривать, тормозить, объяснять, времени не было. Если эти, прошли по верхней галереи, то нижние этажи замка захвачены точно, и в любую минуту здесь могут появиться захватчики. Выбор передо мной встал не очень приятный. Бросить этих двоих

на растерзание или тащить на себе. Ни того, ни того, я сделать не мог.

Кувшин воды с прикроватного столика опрокинулся на женщин сам собой. Ни неожиданного визга, ни возмущений, ни одного слова в ответ не последовало. Злой взгляд хозяйки и затравленный дочери.

– Ждете продолжения? – Жестоко спросил я.

Первой вскочила хозяйка и потянула за собой дочь в направлении двери, не смотря на меня, спросила.

– Куда?

– Возьмите пору платьев и в комнату к хозяину, там есть тайный ход.

Хозяйка поняла все сразу, а ее дочь очумело застыла на месте и получив полновесную пощечину от матери ожила и рванула в свою комнату.

– Ценности есть? – спросил я, наблюдая за суетливыми сборами. Хозяйка одарила меня гневным взглядом и кивнула на столик у окна. Две тумбочки накрытые одной столешницей, сверху прямоугольное зеркало, по бокам шесть небольших ящичков в виде обрамления зеркала. Я поспешно начал выдвигать ящики; склянки, коробочки, баночки и ни чего ценного на мой взгляд.

– Под зеркалом. – Послышался голос за моей спиной.

Плоский ящичек с женскими украшениями. Мои карманы не совсем подходящее место для них, я заозирался по сторонам. Подушка выскочила из наволочки в одно мгнове-

ние и все содержимое ящичка, опрокинулось в нее. Хозяйка уже выходила из комнаты. Горсть украшений, завернутых в наволочку, устроились у меня на груди. Моя легкая кольчуга, над которой смеялись все лучники, позволила спрятать под ней сверток, а пояс не позволил ему выскользнуть.

Я не стал заглядывать в детскую и сразу пошел в покои хозяина. Дверь приоткрыта, небольшой беспорядок и кровь на стене. Хозяйка вошла за мной, держа младших детей за руки. Старшая дочь увидела кровь и вскрикнула.

– Это не его. – Строго сказала хозяйка и вопросительно посмотрела на меня. Я пропустил всех вовнутрь и закрыл дверь на задвижку. Все вопросительно уставились на меня.

– Нужны деньги. – Постарался нейтрально сказать я и уперся взглядом в хозяйку. – Ваши украшения надо умудриться еще продать.

– Я не знаю тайников. – Недовольно скривилась она.

– На первое время. – Пояснил я и добавил в голос просительных интонаций.

– Под кроватью имеется сундук, но я не знаю, что в нем.

Под кроватью действительно нашелся сундук. Не совсем сундук, так, небольшой плоский ящик, на вид не очень большой, но это не значит, что его можно было вытащить наружу. Он намертво был прикреплен к полу и закрыт на замок. Я вылез из-под кровати и с упреком посмотрел на хозяйку.

– Нужен ключ.

В коридоре слышались тяжелые шаги и буквально через

секунду сильный удар в дверь.

– Закрыто. – Прозвучало из коридора.

– Осмотреть все вокруг. Здесь останешься ты. – Последовала команда. Я прижал палец к губам и повторил одними губами.

– "Ключ?"

Хозяйка метнулась к окну, откинула штору, надавила на дощечку и протянула мне двух бородчатый, плоский ключ.

– Я не знаю как им пользоваться. – В ее словах прозвучала неестественность, но мне некогда было разбираться. Крышка сундука открылась с неприятным, громким щелчком, прозвучавшим в тишине не хуже щелчка кнутом, всего на пару ладоней, не позволяя заглянуть вовнутрь. Я запустил руку под крышку, пошарил и выудил два мешочка, на ощупь с монетами.

В дверь загрохотали, когда я выползал из-под кровати.

– Это все. – Показал я свою добычу хозяйке. Она слегка повела плечами и с тревогой уставилась на дверь. Из коридора слышались резкие голоса, спорили и периодически били в дверь чем-то тяжелым. Я думаю, кто-то очень "умный" выслуживается, пробуя выбить дверь своим телом. Через несколько попыток выбить дверь, послышался командный голос.

– Прекратить! Несите топор.

Это было уже серьезней и задерживаться в этой комнате не стоило надолго. Против топора, в умелых руках, дверь

долго не продержится. Я подошел к канделябру, потянул его на себя и когда он поддался, повернул в сторону. В стене приоткрылась узкая щель, между кладкой и колонной. Пролезть в нее было проблематично даже ребенку. Я навалился на отошедшую плиту, ко мне присоединилась хозяйка, плита нехотя уступила нашим усилиям и мы поочередно прошмыгнули в темноту тайного хода.

Входная дверь уже трещала под ударами топора, а я не мог задвинуть плиту на прежнее место. Она не хотела поддаваться и сдвинуться хотя бы на ладонь.

– Как закрыть? – спросил я у хозяйки, прижавшей к себе детей.

– Я не знаю. – Она осмотрелась, кивнула в сторону и спросила у меня. – Может держак? – ее рука потянулась к держателю факела и резко дернула его на себя. Плита сдвинулась и с легкостью встала на место, отгородив нас от шума и света. Впервые мгновения мне казалось, что темнота полная, но постепенно глаза привыкли, и в слабо-сером свете можно было различить ступеньки ведущие вниз.

Спуск вниз был неудобен. Узкий проход без перил, заворачивался спиралью, ступеньки высокие и идя впереди я ежесекундно ожидал падение кого-нибудь мне на загривок. Лук постоянно цеплялся за стены, внося дополнительное неудобство, а каждую ступеньку приходилось буквально нащупывать ногой. Постепенно света немного прибавилось и после очередного поворота, в стене нашлась узкая бойни-

ца. Для чего она предназначалась, я не представлял. Стрелять через нее было невозможно из-за высоты, а став на более высокую ступеньку, взгляд упирался во внешнюю стену. Я прошел мимо, отмерив для себя эту несуразность. За спиной раздался голос хозяйки.

– Стрелок. Внизу сражаются наши. – как они умудрилась увидеть наших, для меня осталось загадкой.

– Вполне возможно. – Согласился я не останавливаясь.

– Ты можешь им помочь. – В голосе слышались командные нотки.

– Наверное. – Мое безразличие задело хозяйку и она потребовала.

– Стреляй по наподдающим.

– Вы хотите показать всем, где мы спрятались?

– Там наши защищают замок. – возмущенно заявила она

– Они гибнут и им нужна помощь.

– Замок уже взят. Если вы не заметили, спросите у своей дочери. – это было жестокое напоминание, но по-другому я не видел, как прекратить этот бессмысленный спор. За моей спиной образовалась тишина, через некоторое время быстрое шлепанье ног по ступенькам, потом толчок в спину (я думаю ногой) и возмущенный голос хозяйки.

– Как ты смеешь так говорить со мной?

– Простите. – Я отлип от стены и развернулся на ступеньке, рискуя полететь вниз от следующего толчка. – Вы наверное не поняли, что происходит. – Мой голос не отличался

любезностью. – Замок захватили неизвестные, а я, пытаюсь спасти вас и ваших детей, и думаю, что это более важное дело, чем стрелять по нападающим. Конечно, если вы прикажете, я вернусь обратно и буду сражаться, но тогда о себе, вы будете заботиться сами. – Опять скрытое напоминание о произошедшем наверху. Хозяйка недовольно поджала губы и процедила сквозь зубы.

– Иди вперед.

– Как прикажете. – Я слегка склонил голову в поклоне, развернулся и продолжил спуск.

Еще одна бойница встретилась у нас на спуске, но я в нее не заглядывал, а хозяйка, если и заглянула, то промолчала. Неясный шум слышался снизу, свет от последней бойницы почти пропал и приходилось идти на ощупь, держась за стену. Неожиданно появившаяся площадка почти заставила встать меня на колени и я развернувшись, тихо предупредил хозяйку, готовый подхватить ее на руки если не удержится на ногах. Ранее неясные голоса звучали более отчетливо. За стеной кто-то возмущался грубым голосом, ругался, пререкаясь с товарищем.

– Там идет бой. – Прошептала хозяйка.

– Не думаю. – Так же тихо ответил я. – Скорее всего, грабеж.

– Куда дальше? – Спросила она недовольно.

– Не знаю.

– Ты утверждал, что мой муж показывал тебе этот тайный

ход.

– Я такого не говорил.

– Но ты знал о ходе. – Почти упрекнула она.

– Ну, знал, случайно увидел.

– Ты предатель. – Возмущенно зашипела она.

– Тогда вам лучше остаться здесь и подождать освободителей. – Начиная злиться, посоветовал я.

– Мой муж повесит тебя. – Твердо заявила она.

– Может быть, если выживет. И не надо кричать. Если мы их слышим, то и они могут нас услышать.

В мою руку пролезла детская ладошка и детский голос сказал.

– Мама, я верю ему, он не предатель.

Хозяйка недовольно хмыкнула и спросила.

– Куда дальше?

– Не знаю. – резко ответил я – Пойдите тихо, я ощупаю вокруг.

Долго искать не пришлось. Опять узкий проход и ступеньки вниз в полной темноте. Через полсотни ... или сотню осторожных шагов, мои ноги опять нащупали ровную площадку. Не дожидаясь пока спустится хозяйка с детьми, я обошел помещение вокруг. Коморка два на два метра, без окон и дверей, с закругленными углами. Для карцера или камеры одиночки вполне подходит. К сожалению, ступенек вниз не нашлось. Заслышав осторожные шаги, я предупредил о площадке. На извечный вопрос – "куда дальше?", я

промолчал, не зная что отвечать. Некоторое время стояла тишина и я понял, все ждут моего решения.

Я щелкнул пальцами и на некоторое время выщелкнул небольшой огонек света. Свет получился холодным, не похожим на свет свечи, но я успел осмотреться вокруг. Этому фокусу меня научил местный Мастер, когда проверял меня на способность владения силой. Он обещал меня взять в ученики, поговорив с хозяином, но не успел, замок захватили.

– Ты Мастер? – Удивленно и немного настороженно спросила хозяйка.

Мастер – волшебник, маг, чародей, колдун, экстрасенс или шаман – человек умеющий использовать энергию всего живого и самой планеты. Кому-то таких проще называть колдунами, но местные зовут их Мастер или Господин Мастер. Для местных он не только колдун, но и аптекарь, алхимик и лекарь. При мне, местный, замковый Мастер затянул рану, просто проведя ладошкой вдоль нее, раненный вскочил и убежал. Я потом поинтересовался, даже шрама не осталось.

Впервые увидел Мастера, когда попал в замок. До этого только слышал и не особо верил, хотя все вокруг утверждали, что они существуют. Меня и еще десяток "добровольцев" выстроили во дворе замка и торжественно объявили, что с этой минуты мы войны и обязаны защищать замок и хозяина. Я молод, полон сил и повысить свой социальный статус, став воином, это не плохо. Не понравилось мне маленькое уточнение, из уст говорившего; – "... даже ценою соб-

ственной жизни...". В конце пламенной речи, в которой присутствовали не только общепринятые выражения, нам была предложена альтернатива. "... желающие могут отказаться от предложенной чести и отправиться на рудники ...". Как ни странно, ни кто не воспользовался правом выбора. Воинам, на наш взгляд, было быть гораздо лучше, чем рудокопом.

Потом появился Мастер, сухонький, не высокий мужичок в чистенькой одежде, принял нашу клятву верности и начал проверять нас на предмет силы. Я стоял четвертым в строю, он долго сверлил меня взглядом и первому предложил щелчком зажечь огонек. Пару раз он показал перед моим носом, как надо делать и потом потребовал.

– Теперь ты.

Мой щелчок позабавил его, на десятый раз, у меня вместо огонька получился дым, струйкой улетучившись к небу.

– Еще! – Потребовал он, с нажимом и мне пришлось щелкать, пока мои пальцы не перестали меня слушаться, но огонька я так и не выжал из себя. Впрочем, как и дыма повторно тоже. Он тяжело тогда вздохнул и перешел к следующему. Среди других, подающих надежду стать Мастерами, не оказалось вообще. Мастер недовольный подошел опять ко мне и спросил.

– Отдохнул?

Я надеялся, что моя проверка в Мастера, закончилась, но ошибся. Мастер вернулся ко мне, скептически осмотрел,

скривил недовольную мину и щелкнул пальцами перед моим носом. Подождал, наслаждаясь эффектом, и поучительно произнес.

– Ты должен увидеть огонь в своей голове. Пробуй! – Приказал он.

Я глубоко вздохнул, как перед нырянием, и щелкнул... От неожиданности отшатнулся от собственной руки. Вместо огонька, подобно пламени у свечи, как показывал Мастер, у меня на пальце затрепетал бледный, еле заметный, светлячок. Вообще-то, на момент щелчка, я и представлял не огонь, а именно светлячка, вернее не самого светлячка, а свет от него.

Мастер в первое мгновение опешил, потом ухватил меня за руку и потянул за собой, но громогласный оратор возмутился и заявил, что отдаст меня, только после разрешения хозяина. Как не возмущался Мастер, меня временно направили учиться на воина, а учеником Мастера я так и не успел стать. Зато научился зажигать огонек, пусть не на долго, но иногда, он меня выручает.

– Ты Мастер? – Я почувствовал настороженность хозяйки.

– Наверное, нет. – Поспешил я успокоить ее. – Замковый Мастер обещал взять меня в ученики, но не успел.

– Ты зажег свет. – Обвиняющее произнесла она.

– Ну, да. Это показал мне Мастер.

– Возьми любой предмет и зажги на нем свет. – Потребовала она.

– Я не умею, да и нет у нас ни чего.

– Используй стрелу. – Все так же требовательно произнесла она.

Легко сказать, возьми стрелу и зажги на ней огонек. Конечно, я пробовал тайком зажигать огонек, но переносить его на другие предметы не решался, да и не представлял себе, как это делается. Мой "товарищ" по "счастливой" службе, сразу предупредил меня после проверки, что прибьет меня, если увидит, как я балуюсь с силой.

Стрела в левой руке. Щелчок пальцами и мысленный посыл огонька, как от зажженной свечи к стреле. Мое лицо выражало, неверную, крайнюю растерянность, хозяйка презрительно хмыкнула и вынесла свой вердикт.

– Деревенщина. – И тут жен потребовала. – Увеличь свет.

Маленькая, бледная искорка трепетала на острие наконечника стрелы и не собиралась тухнуть. Это не было полноценным пламенем, именно бледная, холодная искорка, недотягивающая до ноготка мизинца. Света от нее было мало и грудь хозяйки, уже таяла в темноте.

– Как? – Не сводя взгляда со светляка, спросил я. Вмешался мальчик.

– Просто пожелай. Так говорил Мастер.

Вот так, просто, взял и пожелал(!!).

Я протянул руку к искорке света, обхватил ее и представил в своей голове нормальный светильник на кончике стрелы. Для лучшего воображения закрыл глаза и "выпустил" из

себя свое желание. Свет вспыхнул ярче, видимый через закрытые веки, я отдернул руку, чуть не выронив стрелу, а свет разлился на всю комнату. Не сказать, что можно было рассмотреть пыль на полу и паутину по углам, но света вполне хватало, что бы рассмотреть держатель от факела на стене и удивленные глаза старшей девочки.

– Вот выход. – Безапелляционно заявила хозяйка и потянулась к держателю факела.

– Подождите. – остановил я – Мы не знаем где выйдем и кто там за стеной, может быть там уже захватчики. Надо загасить свет.

– Так загаси. – Возмущенно потребовала она.

– Я не знаю как.

– Это не сложно. – Опять подсказал мальчик. – Втяни свет в себя или направь его в стрелу.

"Втяни свет в себя...". Это как? Взял и втянул? А если сам начнешь светиться? Да и боязно ... легко сказать, в себя. Но что-то делать надо.

Я протянул руку, обхватил светящийся шар ... и произвольно заулыбался. Шар света не обжигал, мои пальцы легко погрузились в сам свет и начали светиться. Зрелище достаточное забавное и необычное. Кончики пальцев начало покалывать и в такт покалываниям свет пульсировал.

– Ты что, затеял игру? – Вывел меня из задумчивости голос хозяйки. – Больше времени не нашел? Туши свой огонь.

Я дернулся от неожиданности, свет моргнул, но не про-

пал. Я представил себе, как свет втягивается в наконечник стрелы, и как бы подтолкнул его туда. Свет постепенно начал гаснуть и буквально через несколько секунд потух. Вокруг стало темно, и резкий щелчок заставил меня вздрогнуть. Я скорее почувствовал, чем увидел, поворачивающуюся часть стены. К нам проник слабый отблеск света и мы настороженно вышли их своей каморки.

Большое помещение, с соответствующими запахами навело на мысль о кладовке. Неясные, далекие разговоры, заглушаемые расстоянием, закрытыми дверями или стенами, хотя через местные стены разговоров, как правило, не слышно.

– Сюда пока не добрались. – Констатировал я очевидный факт. – Надо искать выход.

– Не надо. – Категорично возразила хозяйка. – Я знаю, где мы. Мой муж показывал мне начало подземного перехода. Зажги свет. – Поступило требование. – Здесь должен быть стеллаж с походными мешками.

– Если мы зажжем свет, нас могут увидеть. – Попробовал возразить я, но получил язвительный ответ.

– Делай, что приказала.

Спорить не имело смысла, да и жизнь в этом обществе не предполагала спора с шифанами. Заученным движением выхватил стрелу и зажег на кончике шарик света. В левой стене высветилась приоткрытая дверь. Я метнулся к ней и запер на поперечный брус.

– Зачем закрыл? – Требовательно спросила хозяйка. – Сю-

да могут придти посвященные.

– Будем уходить, откроем. – буркнул я без особого почтения. Слишком быстро она забыла насильников и почувствовала себя хозяйкой. Я не собирался плясать под ее дудку и исполнять все капризы. Я клялся в верности хозяину, а как я понимаю, он погиб и моя клятва уже не действительна, но и бросать женщину с детьми на растерзание захватчиков, тоже не собирался.

Обещанные заплечные мешки нашлись на стеллаже у стены. Объемные, тяжелые, рассчитанные на сильных мужчин. Хозяйка с узелкам в руках и ее несозревшая дочка не походили на сильных мужчин, да и для меня подобная тяжесть была не в радость. Первый мешок я вытряхнул прямо на пол и начал перебирать вещи.

Пара сменного белья, портянки, кусок отбеленного материала, знакомые баночки с заживляющим бальзамом, нож и баклажка для воды. Все остальное я безжалостно отодвинул ногой и ухватился за второй.

– Во всех мешках все одинаково. – Послышался голос хозяйки от другого стеллажа. – Не стоит их разорять.

– Мне нужны ножи, свои я оставил наверху.

– Подойди сюда и выбери подходящие.

На другом стеллаже лежали аккуратно, отдельными кучками ножи, мечи, луки с колчанами стрел и несколько самострелов. Увидев самострелы, я скривился от неудовольствия и сразу решил их не брать. Большие, тяжелые и неудобные.

Выбрал три ножа, поменьше размером, подходящие для метания, нашел две запасных тетивы и набил колчан стрелами с бронебойными наконечниками. Как ни странно, из еды в этом складе ни чего не нашлось, за то обнаружилось две легкие кольчуги. Конечно не чета моей, но для женщин сгодятся. Отдельной стопкой лежала мужская одежда.

Мое предложение сменить наряды ей и старшей дочери, хозяйкой было воспринято агрессивно, и мне был высказан выговор за самоуправство и не подобающее предложение, а девочка радостно поддержала меня. Для девочки кольчуга оказалась велика и надевать ее не имело смысла. Я скептически глянул на девушку, но высказывать свое мнение поостерегся, ели захочет, пусть надевает. Слишком молода девица для кольчуги и сколько она сможет выдержать в ней ... Хозяйка не долго ворчала, натянула мужские штаны, рубаху и куртку не по размеру. Конечно, ее и дочку, с воином не спутаешь, но все же лучше будет, чем бегать по лесу в их платьях. Опясывать их мечами не имело смысла и я предложил на пояса выбрать себе по ножу. Мое предложение было опять воспринято как неподобающее поведение и хозяйка в очередной раз, разразилась выговором.

– Меня учили стрелять из лука. – Гордо заявили девушка. Я безразлично пожал плечами и указал на стеллаж с оружием. Одно дело лук для избалованной девчонки и совсем другое, боевой лук. Я искоса понаблюдал за выбором ею луков, усмехнулся и обратился к хозяйке.

– Где продукты? – Ее взгляд ни чего хорошего не обещал, но она указала на запертую дверь и ответила.

– Там.

Рисковать я не стал. Вытряхнул два мешки и предложил наполнить их женщинам, предупредив, что нести их они будут сами. Наши сборы завершились, но в дверь ни кто так и не постучал. Я бы с большим удовольствием передал семейство хозяина в другие руки, но мои надежды не оправдались.

– Отвернись. – Потребовала от меня хозяйка и уставилась с вызовом. Я вначале не понял, с какой стати мне отворачиваться, но потом сообразил и взбеленился.

– Сдурела окончательно?! В тайны играешь? Открывай немедленно. – Столь неуважительное отношение к ней она не "заметила", встала в воинственную позу и напомнила, какое именно я занимаю место в замке, кто я вообще, и как меня казнят, стоит только ей добраться до ее родни. Подобные угрозы ни когда не забываются, особенно от сильных мира, но мне на тот момент было все равно и главное для меня, было выбраться из замка. А если ей хочется играть в благородство ...

Наш спор прервали развеселые голоса за дверью и соблюдение родовой тайны стало не актуальным. Спешно бежим к дальней стене, ныряем в приоткрывшийся проход и захлопываем дверь за собой.

– Ловушки? – Поинтересовался я, облокотившись спиной на отгородившую нас стену.

– Нет. – Коротко и зло бросила хозяйка из темноты.

Это радует и огорчает одновременно. Что легко для нас, то легко и для погони. Подземный ход представлял собой каменную кишку, шириною в два шага и высотой, чуть выше моей макушки. Идти рядом со мной хозяйка отказалась. Повелительно махнула рукой – "веди мол" и гордо зашагала впереди детей.

Свет вдалеке, после очередного поворота, заставил меня погасить свой осветительный прибор и взять наизготовку лук. Выход из подземного хода ни чем не маскировался и зиял темным зевом в обрывистом берегу оврага. Подобная беспечность меня удивила и я долго прислушивался к звукам леса, прежде чем высунуться наружу. Удача была на нашей стороне, ни торжественной встречи, ни засады не было. Хозяйка долго крутилась из стороны в сторону и наконец, уверенно ткнула пальчиком вдоль оврага.

– Там ближайшая деревня.

– Зачем нам деревня? – возмутился я. – Нам надо подальше уйти от замка.

– Что ты можешь понимать? – презрительно глянула на меня хозяйка. – В деревне нам помогут. Дадут лошадей, повозку и сопровождающих.

– Вы не подумали, что в вашей деревне уже хозяйничают чужие и они очень обрадуются вашему появлению.

– Наши крестьяне нам верны. – самоуверенно заявила она.

– Я не собираюсь с вами спорить, но сейчас, для нас важнее стать не заметными, и по-тихому удалиться подальше от замка. Нападающие, не найдя вас с детьми в замке, устроят поиски и соваться в ближайшую деревню, весьма не благо-разумно.

Хозяйку передернуло от такой "длинной речи" и отвернувшись, она спросила.

– Что ты предлагаешь?

– Я уже сказал. Уйти дальше от замка.

– Замок там. – Она указала в ту же сторону, где и деревня.

– Значит нам туда. – Посмотрел я в противоположную сторону.

Лес достаточно редкий, что бы увидеть человека за ближайшим деревом, но шли мы по нему, уже второй день. Из меня не важный проводник, к своему стыду должен признаться, что могу держать направление только по солнцу, которое движется по небосводу. А если учесть, что за два дня мне удалось подстрелить только одну птицу и я злой и голодный, не хуже цепной собаки, которую хозяин забыл накормить, должен терпеть нытье женщин и практически постоянно нести на руках самую младшую дочь хозяйки ...

Мое терпение и уважение к хозяйке не безгранично.

После очередного ее заявления: – "Я хочу есть." – Я предложил ей кусок коры и пожелал приятного аппетита. Правда в несколько грубой форме, посоветовав ей заткнуться и побольше уделять внимания детям, чем самой себе. Увидев ее

молчаливый взгляд, я понял, меня ждет не просто казнь, а со всевозможными пытками и возможно, пытать будет именно хозяйка.

Вечером нам удалось поужинать запеченной дичью. Целая, молоденькая козочка, выбежала нам навстречу и с любопытством уставилась на нас. Я не растерялся. Я не берусь утверждать, что все наелись от животов, но легли спать вполне сытыми, оставив часть козочки на утро.

Следующий день, вывел нас на малоезженую дорогу со старыми следами от крестьянской повозки. Выбор нашей, дальнейшей дороги занял некоторое время. Мне было безразлично куда идти, а у женщин мнение разделилось. Выбрали правую сторону, куда ехала телега. Ближе к вечеру почувствовался запах дымка и как следствие (я надеялся), жилье людей. Женщины и дети приободрились, а меня начали грызть сомнения. На опушке леса я тормознул всю компанию, чем заслужил очередное, молчаливое обещание казни.

– Дальше я пойду один.

– Там люди. – Возмутилась хозяйка.

– Именно по этому, я пойду один. Вы видите десяток домов, а я угрозу вашей жизни. – Подобное заявление и пререкание, не придало в глазах хозяйки мне значимости, но спорить она не стала, и на том хорошо.

Глава 2

Хорошая банька с дороги и сытный ужин очень хорошо способствуют расслаблению и потере бдительности.

Пронзительный женский крик вырвал меня из утренней дремы и вскинул на ноги. Лук и колчан со стрелами я хватаю на ходу, не озаботившись о штанах, и выскакиваю во двор дома. Там уже хозяин дома с вилами в руках. Ни кто не знает, что произошло, но жизнь заставляет предполагать самое худшее. Мои подопечные ночевали в соседнем доме, я глянул в ту сторону и чуть не выругался. К их дому подъезжали трое верховых, а в дом напротив, заворачивала еще пятерка. Стрелять быстро меня учили и не плохо, расстрелять с этого расстояния всех вполне возможно, да вот не уверен, что верховые будут ждать терпеливо моих стрел. Скорее всего, среди них, имеются лучники не хуже меня, но допускать неизвестных верховых к моим подопечным нельзя. Имеется вероятность узнавания, и тогда за нами будут охотиться все.

Первая стрела ушла с тихим шелестом и вонзилась одному из пятерки, в незащищенный круп лошади. Бедное животное, пострадало ни за что. Обиженное ржание, высоко подброшенный седок и все внимание на него. Лошадь унеслась прочь, а на пострадавшего обрушился поток шуток и мягких оскорблений. Но не все были заняты происшествием и моя хитрость не удалась. Один из глазастых, заметил меня с луком в руках и сразу смекнул о необычности поведения лошади.

Вторая и третья стрелы ушли без особого шелеста, но попали в цель. Двое верховых кубарем полетели на землю, троица спешила и укрываясь за заборами побежали в мою

сторону. Следующая стрела разметала не только оставшихся верховых, но и часть заборов, попав в грудь верховому. Истеричное ржание лошадей, недовольные крики пострадавших и мое молчаливое обалдение. Чего-чего, но яркой вспышки и взрыва на дороге я не ожидал. Нападать на меня, уже ни кто не желал, а уцелевшие, спешили удалиться по дальше. Я медленно приходил в себя и заторможено осматривался во-круг.

Деревня вымерла в принципе, даже хозяин дома, в кото-ром я ночевал, поспешил спрятаться. По улице деревни очу-мело ходили лошади, не спеша последовать за своими хозя-евами или не желая оставлять их даже мертвыми, и я поче-му-то решил, что это моя заслуженная добыча. Я не умелый верховой наездник, но вполне неплохо могу держать умерен-ный темп передвижения, а учитывая наше бедственное по-ложение, отсутствие средств передвижения, кроме собствен-ных ног, становится понятен мой интерес к бесхозной ско-тине.

Все еще держа лук наготове, я вышел со двора и насторо-женно озираясь, направился к бродячей лошади. Вид дере-венской улицы меня ошеломил, кровь, куски мяса, ошмет-ки одежды и части конской и людской амуниции. Два кон-ских трупа в различной степени изуродованности. У одной лошади отсутствовала голова вместе с шеей, у другой раз-ворочен бок и внутренности растянуты по дороге. Здесь же лежали три человеческих трупа, от одного остались ноги и

часть таза, двое других смотрелись вполне целыми, не считая не естественно вывернутые конечности.

Две лошади, привязанные к забору, испуганно косились на меня, пока я проходил мимо них. Третья, "брошенная" лошадка, прядая ушами ржанула, когда я потянулся к ней и переступив передними ногами отстранилась не стараясь убежать. На ней отсутствовало седло и от уздечки остались одни обрывки. Спокойный голос с моей стороны, плавные движения и легкие, ласкающие прикосновения позволили мне подружиться с лошадкой. Она доверчиво пошла за мной, позволила накинуть на шею кусок веревки и привязать себя рядом с ее подругами у забора.

– Мастер. Я заведу их к себе. – Раздался голос хозяина дома, в котором я ночевал, за моей спиной.

– Я не Мастер. – Возразил я. Хозяин дома соглашаясь кивнул головой, распутывая уздечки и повторил предложение.

– Я поставлю их к себе в сарай. И на дороге, прибраться бы надо.

– Займись этим.

Калитка в соседний двор открылась со скрипом, я осмотрелся по сторонам и решительно направился к дому. Мне навстречу вышли хозяева дома, а из-за их спин выглядывала жена хозяина замка, как ее имя, я до сих пор не знал.

– Надо помочь прибраться на улице. – Посмотрел я на мужчину, дождался кивка головой и обратился к хозяйке замка. – Порошу простить меня, но я хочу, что бы вы нахо-

дились в одном доме со мной.

Немного надменный взгляд, незначительный кивок головой и это все, чего я удостоился. Но и это не плохо, учитывая наши различное положение в обществе.

На следующее утро деревню покинула кавалькада из трех лошадей, на которых восседали, мужчина, женщина и трое детей. Мужчина-воин, как и положено, ехал впереди, за ним женщина, держащая на длинном поводу третью лошадь с детьми. Женщина, поджав губы и недовольно сопя, с ненавистью сверлила спину мужчины. На ней была одета чистая, не новая, серая, не броская одежда и волосы забраны под платок. Дети мало чем отличались от женщины и мостились втроем на одной лошади. Так было положено и это больше всего выводило из себя женщину, привыкшую к совсем другому отношению. Надолго ее терпения не хватило. Не отъехав от последнего дома и полсотни шагов, она возмущенно потребовала.

– Повернись ко мне, я хочу с тобой говорить.

Мужчина придержал коня, поравнялся с женщиной и спокойно произнес.

– К вашим услугам.

Спесь и возмущение разом схлынули с женщины, она с удивлением посмотрела на него, передернула плечами и спросила без особого надрыва.

– Ты что задумал?

– Хозяйка. – В этом, одном слове, прозвучало уважение,

почтение и готовность служить. – Я хочу спасти вашу жизнь и жизни ваших детей.

– Зачем это? – Она дернула на себе крестьянскую одежду, демонстрируя свое пренебрежение и недовольство.

– Вы не забыли? Нас ищут. Ваш замок взят, вы сбежали и все еще представляете угрозу захватчику. Что за войны были в деревне? Почему они обыскивали дома? Я могу ошибаться, но скорее всего, они искали знатную даму с детьми. Не вас, случайно? В этой одежде, вы меньше будете бросаться в глаза. Если хотите выжить и добраться к своей родне, постарайтесь соответствовать выбранному образу.

Последние слова мужчины несколько ее озадачили и заставили по-другому взглянуть на своего спасителя. Слишком необычное построение предложений для простого бродяги, правильное выражение мыслей и вообще необычность поведения. Почтение смешанное с собственным достоинством, независимость и вежливость одновременно. Женщина искоса, оценивающе глянула на мужчину. Даже в седле, он держал спину прямо, голова слегка приподнята, взгляд настороженный, уверенный, в выражении лица ни подобострастия, ни желания выслужиться. Но делает, что считает нужным при этом старается не задевать ее достоинство, малоразговорчив, смел и сообразителен. Этот странный мужчина очень похож на ее мужа. Немного статью не вышел, но если приодеть ... Она, неожиданно для себя, заметила рядом с собой не просто война, одного и сотен, тупого, заби-

того крестьянина, а равного себе мужчину. От неожиданности она вздрогнула, мотнула головой, прогоняя наваждение, и видение кавалера из ее общества пропало. Рядом ехал один из сотен, тысяч бродяг, бесцельно шастающих по дорогам. Этому повезло и его взяли в воины.

– Кто ты? – Неожиданно для себя спросила она, все еще не до конца освободившись от наваждения. Ответ несколько задержался и прозвучал вопросом.

– Простите, вы что-то хотите спросить?

– Кто ты? – Повторила она и пристально посмотрела на мужчину.

– Я не понимаю, что именно вы хотите узнать. – Произнес он, не поворачивая головы. И это тоже было не похоже на обычное поведение. Так ведут себя ... Перед ее глазами опять промелькнуло прежнее видение и она призадумалась, а действительно, что именно она хочет знать об этом воине. Нужны ли ей лишние знания и возможно чужие тайны.

– Ни чего. – Раздражительно и резко произнесла она. – Ни чего. – Повторила она. – Зачем ты вырядил нас крестьянами?

– С этой минуты постарайтесь привыкнуть к мысли. Вы моя жена и дети тоже мои. – Она от возмущения чуть не задохнулась и приготовилась дать соответствующий отпор наглому заявлению, но он опередил. – Я не принуждаю вас делить со мной ложе, не претендую ни на какие привилегии, буду считаться мужем только при чужих, до передачи вас родственникам. Теперь, вы жена простого воина и я, со сво-

ей семьей ищу найм. Так, я смогу вас сопроводить и выполнить свой долг пере хозяином. У простого воина не может быть жены одетой в шелка. – На этом разговор прекратился и мужчина-воин выдвинулся вперед.

«Кто ты?» Вопрос, заданный хозяйкой задел его за живое и не давал покоя, будоража подзабытые воспоминания.

Действительно, а кто я на самом деле? Даже самому себе я не смогу ответить честно. Где я родился? Где вырос? Кто мои родители? Иногда во сне видется высокая, красивая женщина в разноцветном платье. Я бегу ей на встречу раскинув в стороны руки и радостно кричу: «Ма-а-ма-а!». Но в действительности ли это моя мать, не плод ли моего воображения? Не простое ли желание вспомнить свою, настоящую мать? Отрывочные, мимолетные воспоминания-видения, которые не дают твердой уверенности ни в чем. Совсем недавно, вместе с женщиной в легком платье, я увидел строгого, снисходительно улыбающегося мужчину. Он был одет в строгого покроя одежду, здесь такой не носят. Короткие, по щиколотку обрезанные сапоги, глядя на них, у меня всплыло незнакомое слово «туфли», узкие, можно сказать строгие штаны, без складок у колен и внизу. Рубашка однотонная, светлая, из тонкого материала, без единой складочки, таких я не видел даже у шифанов (местная знать). Насколько они любят красиво одеваться, но таких рубашек, даже у них нет. Узкий кусок материала завязанный под воротом рубашки и опускающийся на грудь, придавая общему виду мужчины од-

новременно строгость и праздничность.

Привиделся он мне, когда я стоял в охранении замка на стене. Наверное, задремал незаметно для себя, хорошо, что наш десятник не заметил, а так пришлось бы лежать на "коне" и получать плетей. Десятник наш скор на расправу, но без вины ни когда не наказывает, а с нами, обормотами, по-другому и нельзя. Задремал на карауле, проморгал чужих, за такое убивать надо, а не плетей. Десятник "добрый", говорит, что молодежь учить надо, а для учебы, плети самое милое дело. Недельку поспишь на животе, совсем по-другому к службе относиться будешь, а самых дурных ... можно и повесить для острастки другим.

Но моя дрема и не дрема вовсе, а так, с родни задумчивости. Вроде бы все видел, все слышал, а мужчина с женщиной привиделись. Странно как то привиделись, чувствовал, что живые, а стоят рядом застывшие, как на фотографии. Вот и это слово странное – "фотография". Что такое не понимаю, но чувствую, по сути правильное. Стоят не шелохнутся, женщина улыбается, светится вся изнутри, а мужчина, смотрит строго, по-доброму, но строго.

Тогда я не успел хорошо рассмотреть мужчину, видение получилось быстрое, что называется промелькнуло, отпечаталось в памяти и все. Стукнул мой напарник каблуком о каблук, звук глухой, но меня отвлек и видение исчезло. Зыркнул я тогда на него зло ..., а теперь он уже мертв. Погиб, на стене защищая замок, стрела прямо в глаз попала,

опрокинулся он на спину и застыл. Обидно за него стало, выдернул я ту стрелу и в нападающих пустил. Вроде бы как друг был. Может в кого и попал тогда, да что толку, замок все равно взяли. Мсти, не мсти, а человека опять к жизни не вернешь, но в тот момент о таких вещах думать некогда было. Пальнул по нападающим, высунул голову из-за укрытия, проверить попал или нет, а стрела по кожаному шлему вскользь прошла, да не простая, самострельная. Голову хорошо дернуло, наука впрок пошла, больше не проверял свою меткость. Десятник тогда все горло сорвал, кричавши, что бы мы свои дурные головы берегли. Убережешь тут, как же. Сам же десятник под стрелу и подставился. Когда эти, на стену первый раз прорвались, нас четверо ... или трое осталось. Пока сидел на корточках ...

Когда дверь за собой закрывал, заметил, на ногах из наших ни кого не было. Мечники мы никудышные, друг против друга помахать железкой или против таких же неумех, это да, а те, что на стену прошли ... Не знаю, как на других стенах, а на нашей, наверное, я один и выжил. Может кого-то из раненных не добили, нападающим, хорошие лучники тоже пригодятся.

Вон хозяйка коситься на меня. Душу разбередила: "кто ты, да кто ты" – не знаю я про себя ни чего. Имя у меня и то странное, слух мне режет – Казагдард. Может конечно и звучное, но чувствую не мое, чужое оно, а свое, настоящее вспомнить не могу. Все Казаром зовут, поначалу ухо здорово

резало, а теперь ничего, привык.

Помню серый, меня в город вывел, сунул в руку монету и назвал мое имя. Ни откуда я, ни рода, ни племени, ни чего не сказал, просто Казагдард и все. Может это и не имя во-все, а что-то похожее на собачью кличку – Казик, казик, казик..., но я представляюсь Казаром. У других, имена двух-сложные или даже из трех частей состоят, как у шифанов. Взять к примеру, погибшего товарища – Люмак из Беловки. Беловка, это его деревня, где он родился. Вообще-то Большое Беловодье, но он всегда смеялся, что не дорос до полного названия деревни, поэтому и Беловка. Называет он свое имя и сразу понятно, где его родина, откуда он пришел, где его родные остались, а у меня как кличка собачья. Казик, сидеть! Казик, ко мне! Иногда самому противно.

Серый тогда сказал, поворачиваясь уходить, что имя надо заслужить, а пришедший из врат, имя свое забывает. Я тогда посмотрел на ворота монастыря из которого меня вывели ...

Да и сам монастырь какой-то странный был. Серые, невзрачные постройки за высоченной каменной стеной, с одним единственным выходом. Ворота огромные окованные железными полосами, их и тараном не прошибешь. Толщенные, в ладонь толщиной, где только такие доски нашли. Внутри на три бруса закрывались, хитро придумали. Один конец брусков в стене крепился и все они на цепях поднимались. Ворот крутишь, они медленно вверх ползут, а закрыть в одно мгновение можно. Рычаг дернул на себя и все, брусья

сами падают, в позы входят и намертво ворота запирают. Я пока в этом монастыре был, всего один раз видел, как одну воротину открывали. Тогда к ним кто-то важный приезжал. Всех проживающих в монастыре, тогда внутрь вообще не выпускали. А с другими, калитку открыли, поговорили и будет. Карету тогда они через воротину запускали, а так, охраны, на воротах ни когда не видел. Трется у калитки один из серых, он и решает, кого впустить, а кого и ногой под зад. Да и сама калитка, не хуже ворот была, просто так не откроешь. Для переговоров маленькое окошечко имелось, одни глаза и видны, даже рука не пройдет, если только ножом ткнуть. А если войти кто захочет, только с разрешения старшего Брата.

Все у них братьями были. Меня одного Схиком звали, а так, между собой, Братья. Первое время я и считал его своим именем, но со временем понял. То вроде обзывалки, ну как собаку собакой кличут, когда у нее клички нет. Таких как я, только троих и заметил, но общаться между собой нам Братья не позволяли. Сами все в сером, с накинутыми капюшонами постоянно ходили и меня, голову наклонивши вперед заставляли ходить. Туда не смотри, сюда не заходи, смотри в землю, руки на животе сложи ... Так натренировали, что первое время так и ходил, боялся на людей посмотреть и глаза от земли оторвать.

Я из-за этих братьев, до сих пор считаю, что в монастыре был. Когда говорить начал поинтересовался у одного из Братьев, что за монастырь ... Он долго не мог понять о чем я

спрашиваю, а когда сообразил, закатил мне оплеуху и поставил на колени в темном углу. Целый день тогда простоял, а потом, еще несколько дней полы в коридоре драил. Каждый из Братьев, проходящих мимо, норовил ногой меня пнуть или болью с водой развернуть.

Как я оказался у Братьев я не знаю, одни непонятные обрывки воспоминаний, а из них, ни кто мне не рассказывал. Хорошо помню яркий свет, боль во всем теле и как поили водой. Долго лежал на чем-то твердом, жестком, не удобном. Смутно помню, как переворачивали время от времени, обтирали мокрой тряпкой или просто обливали водой, потом постоянно холодно было. Вливали в рот горькую жидкость, от которой порою рвало и во рту жгло. Воняло в моей камерке дерьмом, кислятиной и тухлятиной. Свет в нее пробивался через маленькое оконце под потолком, но он был не солнечным. Сколько я провалялся в этом склепе, понятия не имею. Временами кажется пару дней, а временами годы. Хорошо помню, как вытащили меня от туда и опустили в каменную яму с водой. Может это была ванна или бассейн, но в тот момент мне показалось ямой. Мою голову кто-то придерживал, пока меня мыли щеткой на длинной палке, и одновременно сбривал волоса. Может неумеха попался или бритва тупая была, но голова после этого саднила несколько дней. Меня, после купания, оттерли тряпками, одели в серый балахон и уложили на настоящую кровать с мягким матрасом. Слабость в теле была такой, что не мог рукой пошевелить.

Меня кормили и поили три раза в день, сажали на бадью и ждали, пока я облеγχусь. Заставляли напрягать руки, ноги, переворачивали на живот и хлестали прутьями спину и ноги. В первые дни я ни чего не чувствовал, но со временем, начала приходить боль и я постепенно оживал. Впервые сел на кровати самостоятельно, когда на дворе был дождь. Откуда я знаю, что дождь? Серый выставил руку с тряпкой в окно и потом отжал ее мне на голову.

После этого началась моя учеба. Меня учили ползать, ходить, говорить, есть ложкой ... да всему, чему учат малых детей. Вплоть до пользования отхожим местом самостоятельно. И в основном эта учеба проходила через боль или вбивание в голову знаний через спину, иногда пытались объяснять жестами, но это бывало крайне редко ...

Время летело быстро, учеба перемежалась с наказаниями, общественными работами и постоянными понуканиями. Сильно били редко, я старался все выполнять аккуратно и именно как говорят. Чаще приходилось стоять на коленях, особенно после неугодных Братьям вопросов или попыток пройти куда не следует, а куда не следует, было везде. Мой ореол обитания был строго ограничен, как у дворовой собаки на цепи. Даже на местный огород меня допустили всего два раза. Первый раз, серый Брат мне показал корнеплоды, растения, травы ..., называл их названия и объяснял, что и как нужно есть или что необходимо приготовить в пищу варкой. Второй раз проходил своеобразный "экзамен" – как я

усвоил "предмет". Мне показывали растение, требовали назвать его и объяснить, как его можно съесть. После этого экзамена я день стоял на коленях и три дня мыл полы. Как с одного раза можно запомнить растения, которые видел в первый раз? Как можно ухитриться запомнить которые из них надо варить, а которые можно есть сырьем, но одновременно, и варить тоже? Естественно я все перепутал, вот и подвергся "справедливому" наказанию, с точки зрения Братьев. Я не держал на них обиды, понимая, что они хотят быстрее научить меня всему.

Когда начали отправлять на кухню работать, стало легче. Там хоть пожрать вдоволь можно. Одно было хорошо, Братья и я питались с одного котла, что сами ели, то и мне давали. Вот на кухне я и выучился, что с чем и как готовить. Был там серый Брат, толстый, с изуродованным лицом, все меня убогим называл. Сам бы на себя посмотрел, а туда же. Ну, да, ладно, это не важно. Вот он, больше всего со мной разговаривал. Я многое не понимал, не в силу своей тупости, а смысл слов не улавливал. Говорил он вроде все понятно, но для меня звучало как откровенная ерунда. Он пытался рассказывать о жизни за пределами монастыря; называл города и где они находятся, какие люди там живут и чем занимаются, да все пролетало мимо моих ушей. Как можно слепому от рождения, объяснить зелень травы или голубизну неба? Как глухому, описать словами звуки дудочки? Приблизительно так же было и со мной, я его слушал, а сам думал, как бы

утащить плоску каши и сожрать втихую.

Один раз столкнулся в коридоре с женщиной. Сразу и не понял, что это женщина. Стоит у стены, глазами сверкает из-под капюшона, ну я и заговорил.

– Брат. – говорю. – Меня послали принести зефал, а я не знаю что это такое. Подскажи, пожалуйста.

Я же думал, что она мужик, что я в монастыре. Она вылупилась на меня, мычит непонятное, капюшон откинула, а под ним голова лысая и лицо женское. Молодая, глазюки большие, испуганные. Не успел я больше ни чего спросить, получил затрещину со спины, отлетел к стене, а женщину, Брат схватил за балахон и как щенка потащил за собой. Вот тогда, меня первый раз и выпороли, и для запоминания "урока", малость добавили по ребрам ... Потом неделю спал только на животе, на бок и то больно было повернуться.

Проснулся как-то от пинка, стоит надо мной серый Брат, щерится и сует в руки тряпки.

– Одевайся. – говорит. – Сегодня последняя твоя ночь у нас была.

Ну, встал, оделся. Впервые за все время пребывания в монастыре штаны и рубаху одел, а вместо деревянных шлепанцев настоящие, старые, стоптанные башмаки дали. Странные башмаки, вроде коротких сапожек с большими отворотами. Немного великоваты получились, но все равно более удобные, чем деревянные шлепанцы. Те постоянно натирали мне пальцы, приходилось заматывать тряпками, а Братья каждый

раз ругались. Рубаху явно не моего размера дали, таких как я, в нее можно было втолкнуть двоих и то бы еще место осталось. Хорошо хоть штаны на завязках были, а так бы сами собой свалились. А серый Брат смотрит, как я одеваюсь и ухмыляется, весело ему. Растянул я рубаху в стороны, показываю, что велика она мне, а он зараза, схватил меня за эту рубаху и в коридор. Пятерня шире моей спины, зажал рубаху так, что на груди затрещало и шрамы от его ногтей остались. Потом несколько дней саднили.

– Куда ты меня тащишь? – попытался возмутиться я. Да куда там? Равносильно было спрашивать у каменного истукана. Притащил к воротам и пихнул в сторону калитки. Сразу сообразил зачем меня одели, только радоваться или печалиться, покидая обжитое место, я разобраться не успел. Другой серый Брат взял меня за руку, подвел к калитке, вывел на площадку перед воротами, сунул в руку небольшой узелок. По отечески улыбнулся, погладил меня по коротко остриженной голове и напутствовал.

– Ты свободен. Постарайся не сдохнуть, – он вздохнул и добавил – в первые дни ... Казагдард.

Медная монета легла мне в руку и

Глава 3

Лесная дорога вывела к луговине. Хозяйка с детьми приотстали и пришлось развернувшись дожидаться их на краю леса. Младшая дочь хозяйки сидела перед ней и дремала, свесив голову на бок. Хозяйка придерживала дочь, подъез-

жая, и укоризненно посмотрела на меня.

– Мог бы взять к себе сына.

Может быть и мог бы, но зачем искушать судьбу? Мои руки должны быть свободны в любую минуту, а ребенок впереди, это помеха при стрельбе. Так же как и за спиной.

– Вы же знаете, я не могу этого сделать. Что бы вас охранять, я должен быть свободен.

Хозяйка вздохнула, кивнула головой и спросила.

– Здесь отдохнем?

Вообще-то она права. Едем уже половину дня, устроить отдых совсем не мешает. Меня удивила смена ее поведения, раньше она только приказывала и требовала, а теперь спросила. Я соглашаясь кивнул головой, осмотрелся и указал вдоль леса.

– Надо отъехать за тот мысок.

Мысок, оказался на проверку продолжением леса и пришлось устраиваться на краю луга. Лошадей не расседывали, привязали на длинный повод и разрешили самим выбирать себе обед. Можно было бы и вообще не привязывать, но я не был уверен в их быстром привыкании к нам.

Хозяйка с дочерьми ушли в лес, а мальчишка остался со мной. Мелкий он, а смотрит как вполне взрослый. Взгляд цепкий, строгий, брови нахмурены, наверное подражает отцу. Кто знает, где теперь его отец, жив ли или уже мертв. Замок брали жестоко, ни переговоров, ни угроз, ни чего вообще не предвещало нападения. Я стоял на стене, глянул вдаль,

а там уже люди бегут. Молчком бегут, без криков. Вначале и не понял ни чего, а как в набат ударили ...

Мальчик вытянул руку вперед и сказал.

– Там деревня в низинке.

Может и есть деревня, да мне не видать и спорить не хотелось.

– Это плохо. – Вяло высказал я свое мнение. – Нам бы обойти ее. Ты видишь где начинается?

– Нет. – Он с призрением посмотрел на меня.

– Откуда тогда знаешь?

– Птицы кружатся.

Я присмотрелся и правда кружат. Над луговиной в основном одиночки летают, а там стая вьется. Но птицы не всегда над жильем кружатся, об этом я и сказал мальчишке.

– Там нет стервятников. – Уверенно заявил он.

– Откуда узнал? Далекое ведь.

– Меня Мастер обучал. Согласен, далеко, но по полету птиц можно многое понять.

– И что ты понял? – Я отвернулся в сторону предполагаемой деревни, что бы скрыть усмешку.

– То и понял. Не стервятники это, жилье там.

Несколько минут я наблюдал за птицами кружащимися над одним местом и не хотел соглашаться с мальчишкой. Уж очень странно выглядела стая птиц мечущаяся над одним местом. Ну, полетали и успокоились, так нет, поднимаются вверх, опускаются и не улетают. Может, кто-то их тревожит?

– Мы туда не пойдём. – Заявил я раздраженно.

– Я не предлагал. – Согласился малец и высказал свое предположение. – Дорога скорее всего туда ведет. – Посмотрел мне с глаза и продолжил. – Можно вдоль леса обойти. На фоне деревьев нас не заметят.

Я удивленно приподнял брови и по-другому посмотрел на мальчишку. Я об этом не подумал, а он высказался как опытный боец. Действительно, на фоне деревьев всадников трудно заметить, а учитывая расстояние ...

Деревню мы обходили долго и по большой дуге. Хозяйка возмутилась было, но малец сказал, что так надо и она успокоилась. Странные у них отношения. Дочерей хозяйка шпыняет как хочет, а с сыном всегда говорит уважительно, как с взрослым. А на вид ему не более десяти лет – странно. Старшая дочь почти созрела, грудь уже отскакивает и бедра приобретают покатость. Еще год-два и готовая невеста, а младшая, еще совсем дите. Сын всего на полголовы выше ее, а мать прислушивается к его словам. Может из-за потери мужа?

По местным законам, он является наследником после смерти отца, а хозяйка может быть только опекуном до его совершеннолетия. Да и совершеннолетие наступает у всех по-разному. Все зависит от характера человека, мужчины. У некоторых это происходит в четырнадцать-пятнадцать лет, а некоторые до глубокой старости под опекой ходят. Вначале у матери, потом у жены, а к старости... Этот мальчик другой.

Он не лезет из кожи вон, что бы показать свою значимость, но порою мне хочется сказать – "Слушаюсь хозяин". Есть в нем сердцевина позволяющая командовать другими. И эта оговорка, про обучение у Мастера, а оговорка ли?

Моя лошадка всхрапнула и встала. Я ее и так не понукал, шла как хотела и дорогу выбирала сама, а сейчас встала. За спиной остановились остальные. Ни кто не спрашивал в чем дело, не понукал и не командовал. Остановились и прислушиваются как я.

Вроде бы впереди журчит речка или тихий разговор, а может быть и то и другое. Стараюсь напрячь слух, но это мало помогает. На всякий случай извлекаю лук и натягиваю тетиву. Дело минутное конечно, не зря тренировали, но при неизвестности лучше всего быть наготове. Опять прислушиваюсь и недоуменно пожимаю плечами, оглядываюсь и взглядом как бы спрашиваю, что они слышат. Мальчик прижимает палец к губам и показывает в глубину леса. Стараюсь не бряцать оружием, сползаю с коня, стрелу на тетиву и прячась за деревьями иду в указанную сторону.

Десятка два шагов и говор, действительно говор, слышится более отчетливо. Не слышится мужских голосов, вроде бы детские или женские. Подхожу еще ближе, за кустами устроились две молоденьких женщины и пятеро детей. Предательски хлопает ветка под ногой и меня замечают. Все замолкают в ожидании, и мне приходится показаться из-за дерева. Женщины то женщины, но метать ножи могут и женщины,

я настоroje и заговариваю первым.

– Вы из деревни? – Спрашиваю и киваю головой в сторону деревни.

– Да. – Подтверждает одна из женщин и сама спрашивает. – А ты откуда?

– Я ищу дорогу. – Не к месту отвечаю я. – Не подскажите, где ближайшая?

– Один? – Женщина осматривается вокруг.

– Нет. С семьей.

– В деревню лучше пока не ходить. – Дает совет женщина.

– Напали?

Женщина отрицательно крутанула головой.

– Нет. Приехали вооруженные люди, выбирают нового старосту.

– Чем не угодил прежний? – Чисто их вежливости интересуюсь я.

– Тем и не угодил, что прежнему хозяину служил.

– А эти, что приехали, значит от нового?

– Не знаем мы. Приехали, на шумели, сказали, что новый хозяин приказал старосту сменить.

– А вам то, какая разница, вы чего сюда сбежали?

– Меня отец отправил, а она за компанию.

– Ясно. – понимающе киваю головой. – От беды подальше.

Молодые женщины хахатнули и одна из них стрельнула в меня глазками.

– Так где дорога? – Решил я сойти со скользкой тропинки

заигрываний.

– Здесь дорога одна. – Расхрабрившись ответила вторая женщина. – Иди вдоль леса, мимо не пройдешь.

– Куда ведет, знаете?

– Как не знать? В соседнюю деревню, в Сирошиху.

– А дальше? – Не унимался я.

– А дальше, придешь в Жестину... – Ее перебили первая женщина повысив голос.

– Не болтай глупостей. – и обратилась ко мне. – Ты куда идешь?

– В город, ищу найма.

– Вояка. – В голосе прозвучало обвинение. – То-то смотрю, оружием обвешался. Из замка? С тобой кто?

– Семь моя. – Не стал я отвечать на предыдущий вопрос.

– Не обманываешь? – Недоверчиво улыбнулась женщина.

– Сходи проверь. Там за деревьями, жена и дети.

– Не ходи на дорогу. – Нахмурившись посоветовала она. – Таких как ты, ищут. Отец сказывал, двоих в Жутлинке повесили.

– Что же теперь, в вашей деревне остаться?

– У нас тоже нельзя. Отец сказывал гонец был, сбежавших из замка ищут. Подожди темноты, перейдешь дорогу и иди до ручья, мимо не пройдешь. Сразу за ним лесная тропка начинается, раньше по ней в Лешток ездили...

– Сума сошла! – Воскликнула ее подруга. – Куда людей посылаешь? Там же болото.

– Чего кричишь? По болоту вешки стоят, они без подвод, пройдут. Лучше, чем этим в лапы попасть. – Подруги понимающе переглянулись.

– Куда дорога через болото выведет? – Поспешил я уточнить.

– Я же сказала, в Лешток.

– Лешток – это что?

– Поселок ...

– Город! – Перебила подруга.

– Не город, поселок. Так отец мой говорил.

– Отец, отец. – Передразнила подруга. – Много знает твой отец.

– По больше некоторых, а ты не знаешь, так помолчи.

– Девушки не спорьте. – Поспешил успокоить я. – Ты подробней объясни, как через болото перебраться.

– По болоту вешки расставлены. Идти нужно с правой стороны. Дойдешь до одинокого, раскидистого дерева на острове, повернешь на левую сторону. Прямо и вправо, тоже можно идти, но там вешек нет, можно в окно угодить. Когда вешки закончатся, трава будет, если пешком, куда хочешь можно идти без опаски.

– Лошади со мной. – Поспешил я уточнить.

– Тогда на три макушки иди.

– Ну, а дальше, в поселок как попасть?

– Пройдешь травяное болото, иди вдоль леса, левее наткнешься на погорелье. Отец говорил, там все травой зарос-

ло, но думаю не ошибешься. За погорельем дорога и начинается.

– Опять через лес?

– Там по-разному будет. Деревушка небольшая попадет, она аккурат на границе земель стоит. Там вольные живут – Слободой зовется. Шифаны иногда спорят из-за нее, но людей не выживают.

– Откуда такие познания, красавица?

– Дочка старосты. – Ответила ее подруга с не малым пренебрежением. – Она все знает.

– Помолчи! – Одернула ее дочка старосты и зыркнула на меня. – Ты пройдешь низину и в лесу до темноты затаишь. Дальше заметить могут.

– Спасибо. Вы долго собираетесь здесь отсиживаться?

Мой вопрос остался без ответа.

Глава 4

Вешки по болоту, это хорошо сказано, может раньше они и были, вешки эти, а нам пришлось пробираться от одной "вешки" до другой почти наугад. До острова с раскидистым деревом, мы добрались мокрые, злые и уставшие. Одна из лошадок чуть не утонула, потеряв при этом все вещи и седло. Я искупался в воде пополам с грязью почти по самые уши, ни одной сухой ниточки на мне не было. Как ни странно, сухой и почти не измазанной оказалась старшая девочка. У нее даже подол платья был сухим. На хозяйку было больно смотреть. Платье мокрое, щека расцарапана, прически ни какай,

и ко всему еще прореха от бедра и до самого подола. Как ухитрилась не разорвать самый край не понятно. Мальчишка держался молодцом, постоянно опекая младшую сестренку. Они шли самыми последними и обходили опасные места уже разведанные нами и можно сказать, условно, вышли сухими.

На острове, очень громкое название для крохотного клочка полусухой земли по середине болота и тем не менее, на острове мы просидели около двух часов. Перекусить мы к сожалению не смогли, в отличии от наших лошадок. Они обгрызли все верхушки кустов до которых смогли дотянуться и с опаской посматривали на нас и на разводы воды вокруг.

Дорога от острова до заболоченного, зеленого поля прошла гораздо легче и быстрее. Вода под ногами, конечно, чавкала и долго стоять на одном месте не позволяла, но идти было гораздо удобней. Луговину, заросшую травой, я бы с большой натяжкой назвал болотом. Конечно, попадались проплешины воды, но только я шел пешком, ведя в поводу коняшку, потерявшую свою амуницию.

Лес отделялся от болота очень странно и четкой границ, как обещала девушка, я не увидел. Вначале пошли чахлые деревца, потом заросли кустарника и все пространство между ними занимала трава выше пояса. Местами продолжала хлюпать вода и наш ориентир, три вершины, скрылся, как только кусты и деревья стали выше головы. Я придерживался только общего направления и сам не заметил, как зашагал по твердой земле. Деревьев великанов еще не попадалось, но

то, что мы прошли болото, было уже ясно и позволяло вздохнуть с облегчением. Все живы, здоровы, частями невредимы, а потеря большей части съестных продуктов и части имущества, надеюсь, ни кого особо не огорчило.

К обещанному погорелью, мы вышли ближе к вечеру. Солнышко стояло еще высоко, но задуматься о ночлеге было самое время. Переночевать под крышей эту ночь, понятно, нам не суждено, но и на погорелье оставаться не хотелось.

Сколько лет назад здесь все пожгли, думать не хотелось. Год, два, пять? Не думаю что больше. Из травы торчали останки домов и местами, можно было понять, где стоял дом, а где сарай. Кое-где, среди деревьев сохранились остатки печных труб, но в основном, все погорелье заросло травой и молодыми деревцами. Плодовые деревья еще не успели одичать и красовались завязями плодов. Начало дороги за погорельем мы нашли с трудом. Сюда явно, давно ни кто не приходил и дорога успела зарости кустарником. Единственными, уцелевшими от огня остались деревянные столбы с поперечной перекладиной, на самом краю деревни. Раньше они отделяли жилье людей от дикой природы, но теперь они выглядели одиноко, покинуто, напоминая о людской злобе. Вот напротив этого "памятника" и отыскалось начало дороги.

Ночевкой в лесу нас не удивишь и она прошла отлично, если учесть, что половину ночи пришлось сидеть у костра и следить за сушкой одежды. Половину дня мы продирались

через заросли лесной дороги и только после полудня увидели жильё людей. Первая деревня, увиденная в этом мире обнесенная частоколом. Это очень не обычно, но наверное, жизнь в вольной деревне не такая уж сладкая, как может показаться на первый взгляд, если они отгородились забором. И я не уверен, что это препятствие только от диких зверей.

Встретили нас почти "приветливо". Через запертые ворота спросили кто мы такие, потом продемонстрировали луки и разбойничьи хари местных мужичков и только тогда соизволили приоткрыть воротину, впустив нас по одному. Мой меч и лук попробовали забрать, как только я просунулся следом за лошадью, и чуть не дошло до драки. Вмешался здоровенный детинушка с бородой до пояса. Его бас утихомирил местных мародеров и дал надежду на ночевку в этой деревне.

Подойдя ко мне, он осмотрел внимательно мое оружие, грязную одежду, обувь и кивнул сам себе головой, придя к неизвестному мне выводу. Хозяйку и детей он осматривал не менее пристально, но гораздо дольше. Потом махнул рукой, "следуйте за мной" и привел нас в отдельно стоящую постройку. Не заходя во внутрь, пробасил.

– Здесь будете ночевать, там две комнаты.

– Нам бы помыться после болота и простирать вещи. – Попросил я и не дождавшись ответа продолжил. – У меня есть серебряный, я могу заплатить.

Мужик опять осмотрел нас тяжелым взглядом и кивнул головой, скорее для себя, чем для нас, недовольно скривился

и буркнул уходя.

– Ждите.

Размещать лошадей пришлось самому. Сарай слегка запущенный, долго не используемый, но крыша цела и ворота имеются. Накормить лошадей я не нашел чем, но к моей радости, в углу лежало старое, потрепанное седло. Если оно здесь лежит-валяется, то явно ни кому не нужно, а посему я могу считать его своим. Конечно, не хорошо начинать знакомства с воровства, но я пообещал заплатить ...

Пообещать-то я пообещал, но это был единственный мой серебряный, который я хранил на самый черный день. И это был второй серебряный, который попал ко мне в руки. За первый меня долго били, я не отдавал, но его забрали, пообещав сломать руку. Второй серебряный, можно сказать, я заработал честно, на службе у хозяина замка. Учитель по стрельбе попался злобная скотина. Наш десятник по сравнению с ним, красна девица. Учить стрельбе, нас начали в тот же день, после проверки Мастером. Из десятка отловленных и привезенных в замок, в лучники попало четыре человека и еще четверо были отловлены раньше. По каким критериям лично меня определили лучником, я не понимаю, но у нашего десятника, наверное, глаз был наметан. Всего в десятке было восемь новичков, которых обучал учитель по стрельбе, а дрессировал десятник.

Первым делом нас выстроили в шеренгу и вручили идиотское приспособление, из палки, с перекинутой через ее ко-

нец веревки с камнем. Все упражнение заключалось в простом удержании палки на весу в вытянутой левой руке, а перекинутую веревку с камнем, нужно было натягивать правой рукой. В принципе ни чего сложного нет, почти совсем как лук. Вот только камень был размером с голову, а за спиной Учитель с тонкой, гибкой палкой. Он мало орал, но его хлесткие удары по спине, подстегивали к старанию не хуже рева десятника, а порою и лучше. Скорее всего, у него имелся очень большой опыт по обучению новичков. Его палка, толщиной с палец не просекала кожу, но оставляла красный след и долго не давала забыть о науке. Палку с камнем я научился держать на счет до пятидесяти очень быстро, наверное, не хотел получать палкой по спине или сказались наука в монастыре и мне вручили лук. Я был не первый поменявший полку на лук, но и не последний.

Стрельба из лука больше сопровождалась поучениями и объяснениями, чем охаживанием палкой. Каждый выстрел и попадание в круглый щит, сплетенный из прутьев, сопровождался похвалой и замечанием как лучше и точнее стрелять. Каждый промах наказывался палкой. По рукам и ногам Учитель не бил, но спина саднила постоянно.

Первое упражнение, попадание в мишень с десяти шагов не выполнил только безрукий и я на следующий день, после вручения мне лука, вздохнул с облегчением, но последующие отодвигание мишени ... Моя спина не позволяла мне лечь на нее очень долго. Пока Учитель, после очередно-

го "замечания" не спросил, куда я вообще стреляю. На его вопрос я благоразумно промолчал, но это не избавило меня от наказания.

– Дурень. – Это ласковое слово от Учителя, всегда заставляло очень внимательно вслушиваться в его объяснения. – Я о твоей жизни беспокоюсь. Научись хорошо стрелять, дольше проживешь в бою. Ты куда целился?

– В щит. – Не смело ответил я.

– Вот я и говорю, дурень. – Удара не последовало и это уже радовало. – Не в щит надо целится, а туда, куда хочешь попасть.

– Это как? – Рискнул я спросить и не получил удара палкой.

– Щит, слишком большой для стрелы. Выбери маленькую точку и меться в нее. Понял?

– Я попробую. – Мой ответ наверное не понравился Учителю и палка прошлась по спине, наверное, что бы я лучше запомнил, и я действительно запомнил его наставление. Через некоторое время я смог спать на спине. Мои стрелы летели в мишень или в ту точку, куда я хотел попасть. Как это получалось, я не понимал, но это не мешало мне пользоваться этим. Я выбирал точку, натягивал лук и представлял как стрела попадает именно в эту точку. Иногда специально "промахивался", что бы меньше выделяться из всех стрелков или играл. В мишень, на которой был нарисован человек красной краской, я стрелял в ногу или руку, но наказаний от

Учителя не получал, в отличие от других лучников. Однажды он усмехнулся, когда моя стрела, из озорства, впиалась между ног изображенной фигуры и сказал.

– Тебя надо хорошо выпороть. Ты лишил мужика самого дорогого у него. Больше мне нечему тебя учить.

Мой серебряный, который я хранил у себя и которым пообещал расплатиться, достался мне в соревнованиях между лучниками, устроенных Учителем на один из праздников. Серебряная монета подвешивалась на шнурок, на расстоянии в сто пятьдесят шагов и сбивший ее, мог забрать ее себе. Серебряный – Это достаточно большие деньги. Лично мне, как лучнику, полагалось вознаграждение за полугодовую службу в замке, от хозяина, аж целый серебряный. С ним можно было сходить в призамковый городок-поселок; посидеть с товарищами в харчевне, переночевать с женщиной и купить себе не дорогую обновку. Допустим, понравившуюся куртку или штаны, а если не ходить к женщине, то купишь и то, и другое. За серебряный можно было заказать у кузнеца хорошие метательные ножи или... За серебряный можно купить многое, если учесть, что пожрать в харчевне можно за пару медяков, при этом побаловав себя слабым винцом. Именно поэтому, меня и лупили за тот, первый, серебряный, который я показал в харчевне и попросил накормить.

На соревнованиях, каждому желающему поучаствовать, выдавали десяток стрел и он должен был поразить пять различных мишеней. На разном расстоянии и в разное, ранее

обговоренное место. Последней мишенью был серебряный. К выстрелу по серебряной монете, я пришел с тремя стрелами. Это был не плохой результат, если учесть, что Учитель будет стрелять по серебряному четыре раза, а все стрелы были только с бронебойными наконечниками. Широкие, охотничьи или специальные наконечники в соревнованиях не использовались. Если кто не знает. Бронебойный наконечник с родни шилу, длинная стальная игла насаженная на древко. Иногда она круглая, иногда трех – или четырехгранная. Бронею она прошивает хорошо, особенно выстрелом в упор, но стрелять по крутящейся, шатающейся на ветерке монете...

Нас желающих, получить серебряный, набралось шесть человек, стреляли по очереди, по одному выстрелу. Выстрелил, отходишь в сторону и не мешаешь другому стрелку. У меня было три попытки, у Учителя четыре, у двоих по два выстрела и у остальных по одному.

Первый мой выстрел прошел вскользь, коснувшись монеты оперением стрелы. Монета отскочила в сторону и даже не подумала падать. Второй выстрел натолкнул меня на мысль, что надо стрелять по шнуру, а не по монете. Как не попади по монете, она всегда отскочит в сторону и нужен слишком сильный удар, что бы оборвать шнур, а на таком расстоянии... Третьим выстрелом, я перебил шнур у самого верхнего крепления и мою победу поставили под сомнение, ведь я не попал в саму монету. Учитель пошептался с хозяином и мне торжественно вручили приз. Я потом внимательно рас-

смотрел монету, на ней имелись две отметины от стрел. Я думаю, что вторая отметина была от стрелы Учителя.

И вот представляете, я пообещал расплатиться этой монетой, за ночлег, кормежку и баню.

Глава 5

Первых из дома увели женщин, потом меня и мальчишку. Ни кто не интересовался нашими именами или родственными связями. Привели в баню, бросили на лавку штаны с рубашкой и ушли. Долго "плескаться" не позволили, помылись и выметайтесь. После баньки усадили за стол в большой комнате. За столом, рассчитанным на полтора десятка людей, уселись, не очень разговорчивый бородач, щуплый мужичонка, с бегающими глазами, я и малец. Пока мы ели, нас не трогали, не мешали. Потам на стол выставили кувшин и четыре глиняных кружки. Я понял, будет разговор. Вообще-то я вино употребляю, но пить не люблю. В кружки разлили желтоватую жидкость с легкой мутью и бородач молчком кивнул на них. Я пригубил. Резкий, неприятный вкус заставил меня скривиться. Промелькнула мысль, куда бы выплюнуть, но пришлось сглотнуть.

– Не нравится? – Пробасил бородач. – В замке лучше подавали?

– Не знаю. – Буркнул я. – Мне не подавали.

Его замечание о замке меня насторожило, заставив напяться. Мальчишка попробовал из кружки и тоже отставил

в сторону, подальше от себя. Его не смутили слова о замке, он в упор посмотрел на бородатого и сказал.

– Я тебя знаю.

– Еще бы не знал. – Почти возмущился бородатый, в его словах сквозили одновременно упрек и гордость.

– Ты служил в замке мечником.

– Верно. – подтвердил бородатый. – А ты тогда ходил без штанов.

Наверное, бородатый сказал что-то очень смешное, он и мальчик рассмеялись, но я не понял где надо смеяться и только нахмурился.

– Почему ты ушел? – Спросил мальчик.

– Не ушел, сбежал. Меня хотели повесить, я и сбежал.

– За что? – Удивился мальчик.

– А ты не помнишь?

– Нет. – Мальчик напрягся.

– Я тебя ухватил за штаны, а ты из них выскользнул и упал.

– Я смутно помню. – Признался мальчик.

– Оно и понятно. Куда тебе помнить? Когда тебя вытащили, ты без памяти был. Дышал и то через раз.

– Расскажи. – Потребовал мальчик.

– Нечего рассказывать. Я когда увидел, как ты в колодец нырнул, сразу за тобой. Одной рукой за цепь держусь, другой тебя ловлю. За штанину ухватил, а ты брыкаешься, вывернулся из штанов и опять в воду, одни штаны в руке и остались. Мокрый, скользкий ... Ухитрился тебя за ногу схва-

тить, пока вытащили, ты уже посинел. – Бородатый замолчал.

– Значит я тебе жизнью обязан. – Задумчиво пробормотал мальчик. – За что повесить хотели?

– За это и хотели. Долго тебя ловил.

Молчание за столом затянулось. Ко мне наклонился щуплый и шепотом спросил.

– Ты кто будешь?

Я глянул на него, но имени не назвал. Он усмехнулся и спросил по-другому.

– Хозяин замка жив?

– Не знаю. Пока о его смерти ни кто мне не сказал.

– Кто должен сказать?

– Кто угодно, кому я могу доверять.

– Значит, служить будешь и дальше?

– Не знаю. Я клятву давал только хозяину замка.

– Это как?

– Просто. Защищать хозяина.

– А его семью? – Удивился щуплый.

– В моей клятве семьи не было. – Я хмуро посмотрел на него.

– Зачем тогда идешь с хозяйкой?

Вот пристал. Я сжал зубы и посмотрел на него. Он отодвинулся и разговор прекратился. Бородатый посмотрел на меня и посоветовал.

– Ты паря, глазами не сверкай. Не просто так спрашиваем.

Твоя жизнь медяка не стоит. Лег спать и не проснулся.

– Зачем тогда в баню водили?

– Чистым умирать приятней. – Шутка понравилась всем кроме меня. Я остался сидеть насупившись, щуплый опять наклонился ко мне, приобнял за плечи и задушевно произнес.

– Не бойсь служивый, здесь тебя убивать не будут. Не смотри, что наши мужики твое оружие хотели забрать. Чужой ты, а чужакам по нашей слободе с оружием ходить не след.

– И что дальше? – Не очень приветливо поинтересовался я.

– Ни чего. Переночуете и пойдете дальше. Если захочешь, можешь оставаться у нас.

– А хозяйка?

– А что хозяйка? Она в замке хозяйка. Замок захвачен ...
– Он помолчал, глянул на мальчишку и продолжил. – ... в обиде не будут.

– Ваша деревня как называется?

– Нет у нее названия, просто Слобода.

– Просто Слобода говоришь? Я не хочу быть Казагдард из просто Слободы.

– Что!! ... – Почти одновременно спросили щуплый и бородатый.

– А то. – Зло, с вызовом ответил я. – Мое имя Казагдард. Оба переглянулись, кивнули головами и бородатый ска-

зал.

– Ночуйте, обиды вам не будет.

Ночь действительно прошла спокойно. Разбудить нас забыли и после баньки, лично я, проспал до десятых петухов. Если кому не понятно, скажу точнее. Солнце уже стояло высоко, когда я открыл глаза. За окном кто-то цокал железом, а в соседней комнате велись тихие разговоры. Стараясь не скрипеть я поднялся с кровати, на всякий случай прихватил меч и прошмыгнув мимо говоривших, вышел на улицу. Действительно работал кузнец, но не во дворе, я прислушавшись покрутил головой стараясь понять в каком направлении идти и направился на звук. Мне хотелось найти бородатого и поинтересоваться когда можно уезжать и возможности получить продукты в дорогу.

Деревенская улица как вымерла, даже ребятня не бегала и не играла. Я спокойно дошел до кузницы, откуда раздавалось цоканье о метал, и хорошо запомнив слова щуплого, о чужаках в их слободе, не стал с хода врываться в полуоткрытую дверь. Живых людей я нашел, они работали внутри, а подождать ... можно и подождать. Я присел на лавочке у дерева и стал осматриваться вокруг. Кузня как кузня, в замке больше была, во дворе хватает различных вещей. Вон колесо от телеги лежит, я усмехнулся, а вон и сама телега без колеса. Да и второе колесо не на оси сидит, а рядом прислонено. Передней оси и поворотника у телеги вообще нет, опирается она передком на кусок бревна. К стене сомой кузни

прислонилась гнутая перегнутая железяка. Рядом с входом в кузню стоит бочка с водой, самой воды не видно, но в замковой кузни, в такой же бочке, была вода. Почти напротив меня еще один сарай с перекошенной воротинной. Вполне нормальная деревенская идиллия. Перед моими глазами всплыл похожий деревенский двор, в котором я прожил более полу-года.

После того, как меня избили за серебряную монету и я пролежал на улице почти до вечера, ко мне подошел стражник и "помог" покинуть город. В самом городе я не успел прожить и десяти дней, но без особого желания пришлось покинуть и его. Узелок, переданный мне серым Братом, сперли в первый день, я даже не успел посмотреть, что в него положили. Подбежал малец, указал на ворота монастыря, и пока я крутил головой, он вырвал из руки узелок и задал стрекоча. Я проводил его недоуменным взглядом и остался стоять, не зная как поступить. Через некоторое время подошла парочка молодых людей, одетых почищу и получше чем я. Один хлопнул меня по спине, другой "спросил сколько времени" и слово за слова ... Мне не привыкать к побоям после серых Братьев, но это были не они. Вытерпел я только две зуботычины, одному я расквасил нос, второму поставил фингал под глаз. После этого мы стали "лучшими" друзьями и на следующее утро я сидел на одной из улиц и просил подаяние. Вернее не просил, а всем своим видом показывал, что хочу есть, что было настоящей правдой.

До полудня в моем колпаке лежало целых три медных медяка – самая мелкая медная монета. Я подумывал о походе к булочнику, но нарисовались двое моих вчерашних "друга" и бесцеремонно забрали мои медяки. На мою просьбу о еде, один рассмеялся и сообщил "потрясающую" новость.

– Заткнись, схи́к подворотный. Не заработал еще.

Меня хорошо дрессировали серые Братья, глаза в землю, рот на замок и руки на живот, "друзья" похихикали и удалились.

Десять дней одно и тоже каждый день. Ночевка в полуразваленном доме, день на улице и почти пустая похлебка на ночь. В тот день мне повезло вдвойне. В мой колпак упала серебряная монета, не мелкая, ни четвертушка, а полновесный серебряный и я ухитрился сунуть его за щеку так, что бы ни кто не заметил. Жрать к вечеру хотелось ужас как, но меня согревала надежда ... Я показал хозяину харчевни свою добычу и попросил накормить от пуза. Меня били долго, а потом выкинули из города.

Сколько я скитался по дорогам и как попал в деревню, помню смутно. Все слилось в сплошной туман; топанье по дороге неизвестно куда, ночевки на обочине, что бы не пропустить случайного прохожего, просьбы у проезжающих накормить и их, чаще всего, ехидные ухмылки. Изредка мне бросали кусок лепешки или покусанный плод. Временами приходилось напрягать памяти и вспоминать уроки ботаники в монастыре, стараясь распознавать съедобные травы или

листья или без сил сидеть на обочине дороги.

В один из дней я уперся в преграду, оторвал взгляд от земли и увидел перед собой забор. Осмотрелся вокруг, деревня. За забором женщина кормит птиц, я и сам готов был поклевать зернышки вместе с ними, но слишком хорошие уроки серых Братьев, вбитые в голову, не позволили этого сделать – "чужого не тронь". Я посмотрел умоляюще на женщину, промычал что-то и погрузился в темноту.

На мое счастье женщина уже вдовствовала несколько лет и без мужских рук в хозяйстве, ей было очень тяжело. Очнулся я в сарае на сене, мне вливали в рот теплое питье и при этом приговаривали.

– Пей болезный. Вроде молодой мужик, а довел себя, одно кажа и кости.

В дом мне помогли перебраться дня через четыре, после баньки и смены одежды. Место указали на лежанке в темном закутке у самого выхода. Потом было постепенное наедание мяса на костях и упорный труд на благо хозяйки дома. Еще через некоторое время мне позволили занять место рядом с хозяйкой дома, на что я не особо обижался. Двое ее ребятишек воспринимали меня как работника. Старший позволял в отсутствии матери, покрикивать на меня, а младший делал всевозможные козни исподтишка, но выбирать мне не приходилось, и я терпел. Остаток лета, осень, зиму и часть весны я постигал науку выживать в деревнях, а ночью, благодарил хозяйку за эту науку. Весной, когда поля уже были засеяны,

я подумывал, как начать разговор с хозяйкой и остаться у нее подольше. Женщина приветливая, с ее пацанами, успел подружиться к тому времени ...

Меня выперли из дома в один день. После поездки на базар, женщина молчком собрала мне еду в мешок, положила туда сменные штаны и рубашку, сунула в руку медяк и вывела за ворота без всяких объяснений. Моя жизнь сделала крутой поворот, забыв посоветоваться со мной.

Глава 6

Толчок в бок почти скинул меня с лавки и больно отдался внутри. Я и не заметил, как меч оказался у меня в руке. Бородач стоял передо мной и довольно щерился.

– Ты брось свою железку, если понадобится, я и без оружия скручу тебя. Чего здесь делаешь?

– Чего пинаешься? – Насупился я вкладывая меч в ножны.

– Я?? Пинаюсь? – Удивился он – Да я легонько тебя тронул. Квельый ты какой-то. Если б я тебя пнул по настоящему... – Не закончил он, а я не стал уточнять, что именно тогда бы случилось.

– Уходить мне надо. Сможешь помочь с продуктами?

– Конечно помогу. – Сразу же согласился он и предложил. – Давай меняться. Я тебе телегу с кобылой, а ты оставляешь своих доходяг.

– Сам ты доходяга. – Возмутился я не справедливостью в отношении своих лошадок.

– Ладно, ладно, не шуми. Ты должен мне ...

– Я обещал заплатить. – Тут же напомнил я не дожидаясь продолжения о своем долге.

– Не об этом говорю. Ищут вас, именно верхами. К нам заезжали, просили сообщить если появитесь, награду обещали, поблажки.

– Именно нас ищут? – С сомнением спросил я.

– Не совсем. Тебя может и не ищут. Кому ты нужен, ущербный. Хозяйку с детьми ищут. Что-то ценное у нее есть, да такое ценное, что за нее обещано пять золотых. Смекаешь, какой должок за тобой?

– Чего ты хочешь? У нас таких денег нет.

– Я уже сказал, чего хочу. Оставь своих скакунов и возьми мою телегу. – Он кивнул на телегу посередине двора.

– Издеваешься? Мне самому в нее впрячься?

– Ну, если есть желание, можешь и сам, но я собирался к ней и кобылку отдать.

Он развернулся и пошел в кузню, продолжая что-то бубнить, но я уже не слушал. Одно то, что за хозяйку объявили награду в пять золотых, говорило о многом. А желающие заработать такие деньги, обязательно появятся.

В комнату, где ночевала хозяйка с детьми, я влетел не стучась и с порога спросил упершись взглядом в нее.

– Что у вас есть ценного из замка?!

– В чем дело? – Строго спросили она.

– Ищут вас, не меня, а именно вас и уже объявили награду в пять золотых.

– Откуда узнал? – Не изменила она тона и не выказала своего волнения.

– Бородатый сказал. У них были гонцы и предупредили.

– От сюда до замка, верхом полтора дня, если кто и поехал, то завтра к обеду будет там. У нас есть половину дня, что бы скрыться.

– Ищут верховых. Бородатый предложил, взять у него телегу и оставить своих коней. Пока шел, обдумал его предложение. На телеге ехать не так быстро, но удобнее вам с детьми.

– Кто править повозкой будет?

– Как кто? – Чуть не вскричал я. – Можете вы, а нет, так сын или дочь. До-очь? – Я посмотрел на старшую девочку и представил ее с короткими волосами. На полноценного мальчишку не тянет, но если волосы темные и немного грязи на щеки ... – Надо поговорить. – Предложил я хозяйке и вышел из комнаты.

Во дворе мне пришлось ждать минут десять, не меньше. Еще полчаса убеждать хозяйку, из дочери "сделать" второго мальчишку и еще час, на пару с матерью уговаривать саму девчонку. Не знаю чем бы закончилась моя задумка не вмешайся в наш разговор мальчишка. Он молча выслушал мои объяснения, строго посмотрел на сестру и почти приказал:

– Обрежай косы.

Девушке отозвала брата в сторону и долго ему что-то объясняла, но своего решения он не изменил.

Вечером мы не выехали, хотя, как обещал бородастый, телегу он починил и пригнал к нашему двору вместе со своей кобылой. Я намекнул ему о не полноценном обмене и попросил добавить две рубашки и двое штанов для мальчишки, два пояса с ножами и пару теплых одеял. Одеял не дал, но предложил поношенные плащи подбитые мехом. Потом оценивающе посмотрел на мой меч и спросил.

– Пользоваться умеешь?

– Не очень. – честно признался я.

– Я так и подумал. Лучником в замке был?

– Лучником. – Согласился я.

– Учил злобный худышка с палкой? Значит, ножи тоже метать умеешь? – Спросил он, но в голосе послышалась уверенность и можно было на вопрос не отвечать, но я кивнул головой, а он продолжил. – Я тебе вместо этой железяки перевязь с ножами дам.

– Без меча ни как не получится. Стрел у меня не много, только те, что в колчане.

– Ладно, пользуйся моей добротой. Ножи подарю и стрел добавлю. Мальчишку учили из лука стрелять и мечом махать, но под его руку лука нет. Вместо меча могу предложить хороший нож для него. Второй нож, зачем?

– Хозяйке повешу.

– Значит небольшой нужен. – Он с хитрецей посмотрел на меня.

– Если не жалко, давай нормальный, как у меня.

– Хитришь, безродный.

– А хоть бы и хитрю? Дашь, что прошу?

– Куда я денусь? – Криво усмехнулся он.

Глава 7

Заря еще не занялась, а из ворот слободы выехала телега с тремя спящими детьми в ней, накрытыми плащами, женщиной на передке и мужчиной идущим рядом. Их ни кто не провожал и ни кто не пожелал счастливого пути. Вороти-на скрипнула, закрываясь за их спинами и буквально через несколько шагов, предрассветная серость поглотила телегу и людей.

Куда они поехали, ни кто не спрашивал, но буквально через час, после рассвета, из ворот выехали еще две повозки и за каждой, в поводу тянулась дополнительная лошадка. Они двинулись в след первой, забывая ее следы. Куда направили возчики свои телеги и кто придумал подобную хитрость, что бы скрыть следы самой первой повозки, ни кто не знал, а если и знали, то помалкивали. В слободе не любили чужих, но и болтливые в ней долго не задерживались.

Через три дня, после описанных событий, в поселок Леток въехала повозка с семьей наемника. На передке восседал мальчишка, еще один мальчишка и маленькая девчушка ютились на повозке, а рядом шли женщина и вооруженный мужчина. Стражники на воротах не особо обратили на них внимание. – "Шляются тут всякие". Одного взгляда хватало, что бы понять, перед ними перекасти-поле, у которого за ду-

шой ни чего нет кроме скрипящей телеги. Один из стражников вяло потребовал мужчину показать свободную Паху наемника, но лишний медяк, смог его убедить в правдивости слов мужчины, а его воинственный вид только подтверждал его слова. Да и какая разница для стражников, есть у прошедшего Паха или нет, подобных ему, по империи много шастает в поисках работы или найма и естественно, не у всех имеется Паха, а этот ко всему еще кинул лишний медяк. Да и семья у него. Молодой еще, а детей успел настрогать много.

Стражник скучающим взглядом проводил женщину, кивнул на нее своему напарнику, который даже не пожелал посмотреть на проехавших и сплюнул на дорогу. Дальше его рассуждения не пошли. К чему ему заумности(?), получил лишний медяк и хорошо. Вон на подходе другая телега, наберется десяток медяков, можно будет послать молодого за вином. День только начинался, а у него в кармане уже насобирались пятак не казенных денег. День начинается хорошо и слишком придираяться к проезжающим причины нет. Проехал молодой наемник и проехал себе. Сколько таких раньше прошло через ворота города? Сколько еще пройдет? Кто их упомнит или сосчитает всех, да и кому они вообще нужны. Проехал, и из головы вон.

Поселок Лешток принял меня как родного. На воротах шустрый стражник потребовал Паху, объяснил бы, что такое, а потом требовал. Я скривился больше от не понимания и сунул ему лишний медяк. Он хлопнул по крупу лошадку и

отвернулся. На всякий случай надо будет разузнать, что такое Паха. Мальчишка смотрит на меня усмехаясь, явно знает о Пахе.

– Чему улыбаешься? – слегка недовольно интересуюсь я, больше недовольный потерей лишнего медяка.

– Ты не знаешь, что такое Паха. – Он обернулся на стражников, проверяя смотрят они или нет.

– Не знаю, – согласился я – а ты знаешь?

– Конечно. – Уверенно, с некоторым превосходством произносит он. – Если бы ты отслужил у моего отца десять лет, ты бы получил Паху.

– Бляха или бумага? – На всякий случай уточняю я.

– И то, и другое бывает. Бумага дает право вольного поселения на землях хозяина, а бляху используют вольные наемники, что бы не трепать бумагу.

– Спасибо. – буркнул я чувствуя свою ущербность.

Малец знает о Пахе, знает больше меня об окружающей жизни, а я ... Из-за такой мелочи, как незнание, можно огрести кучу неприятностей. Хорошо хоть стражник не придирчивый попался. Паху ему подавай. По моему виду не видно, что ли? Наемник я, ищу найма и семья при мне. Ну семья, чего здесь необычного? Дети, правда, великоваты для моего возраста, но кого это должно волновать?

Колесо у телеги начало противно скрипеть, хотя бородастый заверял, что повозка надежная, наверное не досмотрел. Я шел по улице и глазел по сторонам. Этот Лешток, чем-то

похож на поселок у монастыря, но одновременно и отличный. Нет такой грязи, домики жмутся один к другому, образуя сплошные кварталы, разномастные по размерам, цветам и высоте домов. Время от времени попадаются подворотни, в которые с трудом протиснется повозка. Редко, мы проезжаем большие, добротные ворота, но они в основном закрыты. Узкие проходы встречаются между домами достаточно часто, в некоторые из них с трудом протиснется человек и то боком, но это ни кого не смущает и судя по обтертости стен в них, этими проходами пользуются довольно часто.

Повозка дернулась и остановилась, я вопросительно взглянул на мальчишку. Он снисходительно, взглядом указал на вывеску перед входом в здание. Ярко-красные буквы на вывеске для меня остались тайнописью, но нарисованная кровать рядом со столом, говорили о возможности поесть и заночевать. Впрочем, именно гостиницу мы и искали. Я соглашаясь кивнул головой и направился ко входу, но не успел я подойти вплотную, как дверь распахнулась и из нее вышел прилизанный молодой мужчина.

– Чего изволите? – Его противная, скользкая улыбочка сразу показывала его отношение к нам, как к возможным постояльцам. (Он что, подсматривал в щель? Почему выскочил навстречу? А впрочем плевать.)

– Нам переночевать надо. – Не сразу нашелся я что ответить и поспешно добавил. – И пару дней отдохнуть.

Молодой человек не спеша, даже демонстративно осмот-

рел меня, повозку, каждого из моей семьи и не меняя улыбочки на лице поинтересовался.

– Расплатиться есть чем?

Я сразу вспомнил о своем серебряном и оставшихся медяках в кармане. Моя добыча от нападающих подходила к концу. Я скривил задумчивую рожу, а молодой человек продолжил улыбаться и я спросил.

– Дорого на один день?

– За всех, – он окинул нас взглядом – серебряный. Одна большая комната, еда два раза в день и уход за лошадью.

– Папа! – раздался голос мальчика с повозки – Ты обещал! – В голосе слышался упрек, но что я мог ему обещать(?) и денег у меня только на один день. Что именно хотел сказать малец я не понял, но на всякий случай кивнул головой и ответил прилизанному.

– Хорошо. На это у меня денег хватит.

– Сяка! – Крикнул прилизанный не собираясь уступать мне дорогу, а из-под его руки выскочил малец лет восьми. – Проводи гостей, покажи, как заехать, комната угловая. – Молодой мужчина продолжал улыбаться, а взгляд говорил об обратном. "Понаедут оборванцы, медяка с них не получишь".

Я не двинулся с места, а за спиной послышалась возня и возмущенный голос Сяки.

– Подвинься! Не то, сам править будешь.

Угроза конечно детская и рассчитанная на сверстника, но

мне это не понравилось и я обратил свое раздражение на прилизанного.

– Чего застыл? Показывай комнату.

Он недовольно развернулся. Не приглашая и не придерживая двери скрылся внутри. Я за ним. Сразу за дверью большой, широкий коридор, с левой стороны от входа, у окна, стоит кресло и небольшой столик и я сразу смекнул, почему прилизанный выскочил раньше, чем я подошел ко входу. Прилизанный уже гордо вышагивал на середине коридора и вещал.

– ... Здесь обеденный зал только для постояльцев со второго этажа ... – его рука повольно пошла в правую сторону – ... имеются отдельные кабинеты для приглашенных ... Это проход в гостевые комнаты ... – его голова повернулась и он скосил глаза, проверяя иду я за ним или нет. Он пошел мимо еще одного коридора не прокомментировав его и свернул в другую половину здания, минуя несколько дверей и лестницу на второй этаж. Через проход вывел меня в менее богатую часть гостиницы и указал на одну из дверей. – Эта комната ваша. Обедать можно в комнате или ... – небольшая задержка, скривленные губы и тут же дежурная улыбка – ... или в малом зале, первая дверь по коридору на право.

Мне стало одновременно смешно и досадно. Мне, бродяге, не состоявшемуся войну и безродному, он затрудняется указать место на кухне. Не понятно откуда накатила обида, но я не мог разобраться в ее причине. Дверь в комнату мне

пришлось открывать самому. Указав на дверь, прилизанный развернулся, собираясь уходить, но я остановил его словами.

– Я хочу осмотреть комнату.

Он небрежно взмахнул рукой, предлагая войти, но выдать из себя приглашение не посчитал нужным.

Комната достаточно большая, три кровати, одно окно, стол посередине и большой сундук в углу комнаты. Вполне может сгодиться как кровать. По моим деньгам, то, что нужно, но меня неожиданно передернуло. Пусть я и видел все прелести хозяйки и ее старшей дочери, это не повод спать с ними в одной комнате. Мне плевать было на их стеснение, но я привык спать в кровати без кольчуги и штанов один и сверкать перед ними, не совсем чистым своим исподнем, я не собирался.

– Не подходит. – Коротко бросил я. – Мне нужно две комнаты и четыре кровати.

– Это гораздо дороже ... – Почти возмутился он и замолк, наткнувшись на мой взгляд. На его лице опять появилась слащавая улыбка, он развернулся, гордо задрав подбородок и вышел из комнаты. Я еще раз осмотрел комнату, отменил грязь на полу и неряшливо заправленные кровати. Скорее всего, в ней уже кто-то ночевал до нас. В коридоре меня дожидался прилизанный и как только я вышел, предложил, указав на дверь на другой стороне коридора.

– Можете осмотреть эту. – На его роже улыбка сменилась недовольной гримасой .

– Осмотрю. – резко ответил я и сам собой остался не довольным. С какой стати, я свое раздражение срываю на прилизанном, ну, не нравятся ему бедные, но от этого я не стану богаче. Не нравится мне он сам, так и я ему не очень понравился. – Обязательно осмотрю. – Добавил я несколько другим голосом.

На этот раз дверь передо мной открыл он сам, добавив неизменную улыбку, больше вымученную, чем приветливую. Первая комната не большая, уютная, с одной кроватью, шкафом, столом посередине и сундуком. Куда без него? Во второй стояли три кровати, шкаф и по углам ютились два стула.

– Это подходит. – выдал я свое решение откидывая покрывало-одеяло с одной кровати и увидев грязные разводы распорядился – Белье сменить и принести еще три стула. Еду пусть подадут сюда. У вас есть баня?

– Баню надо готовить. Она не входит в общую стоимость. – Это было сказано с вызовом и неприязнью. – Баня ...

– Заткнись! – Потребовал я так резко, что самому стало неприятно. – Я спросил, есть баня или нет.

– Есть. – Коротко ответил он, поджав недовольно губы.

– Вот и хорошо. Распорядись подготовить. Перед едой надо смыть дорожную пыль и грязь.

– Вам одно отделение или весь комплекс? – Его ехидная улыбка ни чего хорошего не предвещала.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, но если сдерешь лишнюю

монету, удавлю.

Улыбка сползла с его лица, он склонил голову в поклоне и заверив, что все будет исполнено удалился.

Обед после помывки удивил меня. Нет, не сам обед. В нем ни чего изысканного или особого не было. Суп с мелкими кусочками мяса, тушеные овощи, кувшин совсем слабого вина и кусочек пирога на всех. Мне и хозяйке пришлось отказаться от него, что бы больше досталось детям. Не знаю, была ли это мелкая месть прилизанного или так заведено во всей гостинице, но обед подали на фарфоровой посуде с отдельными тарелками под каждое блюдо. Двумя видами бокалов под вино и маленькими, отдельными тарелочками под пирог каждому. Рядом с каждой тарелкой лежали ложки, вилки и ножи. При первом взгляде на сервировку меня передернуло. В обучение монастыря, не входило обучение пользованием всеми приборами, вручили ложку, показали как ею есть и достаточно. В замке тоже не заморачивались обучением, и вилку я только видел.

Уселся за стол я порядком мандражируя. На вопросительный взгляд хозяйки я только буркнул "Сама" и пока дождался разлива супа, весь вспотел. Ложка вздрагивали в моей руке, но глядя на поведение хозяйки и детей, постарался взять себя в руки, повторил их прием держать ложку не в кулаке, а тремя пальцами (удобней чем в кулаке) и пока хлебал суп, успокоился, включившись в непринужденную беседу ни о чем. Тушеные овощи, как и несколько бокалов вина про-

летели не заметно и я насторожился, когда в моей тарелке почти ни чего не осталось. Дети и хозяйка с любопытством наблюдали за моими руками и я посмотрел на них. В левой руке я держал трезубую вилку, а в правой – нож. Дискомфорта или неудобства не чувствовалось вообще, я виновато пожал плечами и произнес фразу удивившую даже меня.

– Немного неудобно, у вилки не хватает одного зуба.

Недоеденное рагу осталось на тарелке, я сложил нож и вилку в тарелку, чувствуя начинающееся волнение, причем не бросил, а именно сложил параллельно друг другу и отодвинул тарелку от себя.

– Я уже сыт. – Напряженное молчание за столом. Я глубоко вдохнул, как перед нырянием и поднимаясь, выдал еще одну фразу не характерную для меня. – Позвольте удалиться, мне надо побыть одному.

Ни когда не замечал за собой особой вежливости, грубости тоже, но последняя фраза полностью смутила меня. Пару шагов до двери я прошел на негнущихся ногах и уже на выходе я развернулся и предложил.

– После обеда, хочу предложить вам прогулку по городу.

Молчание и округлившиеся глаза мне были ответом и я ушел. С полчаса сидел во дворе гостиницы и старался понять необычность своего поведения. С чего вдруг я повел себя как сафир, откуда у меня навыки пользования вилкой и ножом за столом и почему при этом я не испытывал не удобства? В казармах замка, тоже ни кто не пользовался вилка-

ми, всем вполне хватало ложек, а при разделе большого куска мяса использовали свои ножи. Где я успел подсмотреть, как пользоваться вилок и кем я был до монастыря? Почему я часто ощущаю непонятное волнение, неправильность происходящего и странности за собой, иногда шокирующие окружающих. Любнак и тот, мне постоянно твердил, что я не крестьянин, хожу не так, сажусь не так, ем и то не так. А как нужно?

Рядом опустил мальчик, посидел молчком и спросил.

– Что вы планируете делать дальше? – Впервые он назвал меня на "ВЫ" и спросил о моих планах.

– Не знаю. – честно признался я – Денег расплатиться за комнату у меня нет, может ...

– Вы взяли в замке два мешочка с монетами, я видел. – Он опустил взгляд к земле и как мне показалась чувствовал неудобство от напоминания.

– Да, это так. Я уже думал о них, если там серебро, мы сможем остаться здесь на пару дней.

– Вам нужна другая одежда. – Он заявил об этом твердо и посмотрел на меня.

– Почему?

– У вас плащ с эмблемой моего отца, как только вы его накинете, все поймут кто мы. На мече и луке тоже имеются знаки. Каждая стрела из замка меченная.

– Стрелы мне дал бородатый из слободы.

– Они тоже меченные мастером или кузнецом. Нам надо

сменить все, что взято из замка.

– Я понимаю тебя, ты рассуждаешь как взрослый.

– Мне уже тринадцать лет. – С вызовом заявил мальчик.

– Да? – удивился я – По тебе не скажешь.

– Я очень долго болел, рост замедлился, но наш Мастер говорил, что со временем я нагоню.

– Наверное, может быть. Сейчас хорошо, что ты выглядишь моложе. Вы подобрали имя старшей сестре?

– Да. Между собой ее ... – он усмехнулся – ... его, можно звать Салис или Салисат. Настоящее ее имя Салисандра, я подумал, что не стоит слишком изменять привычное имя. – Я промолчал и он продолжил. – Маму зовут Зафи, Зафира, а меня Крап. Младшую сестренку Коки, для ребенка это нормально.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Отец должен знать, как зовут членов его семьи.

– Это ваши настоящие имена?

– Не совсем, но по звучанию очень похожи.

– Значит, ты Крап?

– Да, Крапиф.

– Ну, что же, Крап, выводите мое семейство, пойдем менять одежду.

Городок не позволял пройти по большому количеству магазинов, их практически можно было пересчитать на пальцах одной руки. Вся торговля сводилась к базару и привозным товарам. Имелись несколько портных и обувщиков,

между которыми шла конкуренция и обслуживали они, в основном, более зажиточную часть населения поселка. Для остальных был базар, куда мы и направились, прихватив из гостиницы сопровождающего – Сяку, которого на самом деле звали Саки.

Малец гордо вышагивал впереди и время от времени оборачивался, проверяя наше наличие. Я кивнул на него Крапу и впереди нас уже шли двое мальчишек. Почти одного роста и трепались обо всем сразу. Трепался в основном Саки, а Крап только поддакивал и задавал вопросы. Я шел сразу за мальчишками, держа в руке маленькую ладошку Коки, а за нами двигались Зафи и Салиса в мальчишеской одежде. Один из мешочков из сундука замка покоился у меня за воротом, привязанный на шнурок. Под кольчугу труднее залезть вору, чем незаметно срезать кошелек с пояса, а при необходимости, можно немного и повозиться. Драгоценный серебряный пришлось положить в кармашек пояса и рука сама собой, время от времени, проверяла его наличие на месте.

Базар нас встретил шумом, толкотней и полной неразберихой на мой взгляд. Рядом с мясным прилавком, прямо на скамье, лежали скрутки материалов, а дальше соседствовали глиняные горшки и разновидности тарелок. Напротив, рвет горло зазывала, приглашая войти в лавку. Латок со свежей выпечкой соседствует с выставленной обувью и полощущимися на ветру цветными лентами. Я не помню, какой базар был в городке у монастыря, но этот мне захотелось покинуть

как можно скорее.

Проводник подвел нас к магазину с двумя большими окнами, почти в центре базара и собрался уходить, но я его остановил.

– Это не единственный магазин, куда мы собирались по-пасть. Подожди нас у входа. – Малец соглашаясь кивнул головой и присел у стенки, рядом с дверью.

За дверью нас ждал большой зал, вежливый продавец и огромный выбор новых и поношенных вещей. Зафи и Салиса сразу рванули к женским вещам, но окрик Крапа сразу изменил ситуацию и вместо Салисы, к платьям пошла Коки. Наверное, продавец имел не малый опыт в общении с женщинами-покупательницами, он снисходительно проводил их взглядом и обратился ко мне.

– Вы ищите что-то конкретное?

– Нет. Эти мальчишки выглядят оборванцами, я хочу одеть их более прилично, но без вызова.

– Поношенные вещи? – Его улыбка и скошенный взгляд в сторону наваленной кучи вещей мне не понравился.

– Нет, все новое и не ношенное.

Ни рубашки, ни штаны, ни кто не примерял. Продавец предлагал, Крап и Салис одобряли или отвергали. Понравившиеся вещи откладывали на прилавок. Каждый выбрал себе по две смены, Крап примерил полусапожки и положил в общую кучу. Салис долго крутил (или крутила), различные фасоны обувки в руках и не мог определиться, пока Крап не

буркнул ему зло на ухо.

Две женщины, маленькая и большая, на удивление быстро определились с нарядами и все уставились на меня. Первым понял их продавец. Его широкая улыбка и приглашающий жест были обращены ко мне. Вперед выступила хозяйка и категорически заявила.

– Я помогу.

Ее помощь добавила в общую кучу новые сапоги и ворох одежды для меня. Из всего выбранного мне понравилась безрукавка. Кожаная, отороченная мехом в пройме, низ и ворот. Я накинул безрукавку поверх кольчуги и остался доволен, она не стесняла движения, частично прикрывала кольчугу и ... она мне нравилась. Все в один голос одобрили.

Пришло время расплачиваться и я полез за ворот. Выудил мешочек, запустил в него два пальца ... и не дал монете показаться на свет. Зажал ее в кулаке, затравленно глянул на Крапа и выскочил на улицу. Привалился к стене магазина и затаив дыхание осмотрелся. Крап выскочил за мной, оставив в магазине женщин.

– Что случилось? – Тревожно зашептал он.

Мне хотелось схватить его за руку, крикнуть женщин и бежать из этого поселка куда подальше. Заставив себя разжать кулак, я показал ему монету и выдохнул еле слышно.

– Красавчик.

Монетная система в империи, на мой взгляд, была несколько запутанной. В моей руке покоилась самая круп-

ная монета, – монета королей и богатых людей. Большинство людей, проживая свою жизнь, могли и не увидеть подобной монеты. "Красавчиком" ее звали за красноватый цвет и хорошо выполненный портрет императора. Я о ней до этой минуты только слышал. В монастыре мне объяснили различия и количественное различие денег. "Красавчик" в различных городах разменивался по-разному, от десяти до двенадцати золотых за штуку. Я думаю, все зависит от менялы или бамка. Вернее не бамка, а официального представителя императора – Большого Менялы, но в народе их называли бамками. Чаще всего, не многочисленные представительства были при губернаторах более-менее больших городов, но крайне редко встречались и так называемые вольные. У бамка можно получить деньги под проценты, если имелся залог; сдать свои сбережения на хранения, за небольшой процент; или обменять, на более крупные или мелкие монеты. За каждый обмен они брали свой, строго установленный процент, впрочем, как и частные менялы, но у них было более выгодно обменивать. Другое дело, что не всякий рискнет официально обменивать свои денежки и не всякий туда рискнет сунуться, особенно с "Красавчиком". Тут же может появиться стража и поинтересоваться, откуда у оборванца, это я про себя, появился "Красавчик".

Так вот, этот самый "Красавчик", обменивался на десять золотых по самому низкому курсу. Каждый золотой – на двенадцать полновесных серебряных монет, а каждый серебря-

ный, в зависимости от потертости, чеканки, старости и дефектов на медь. Приблизительно, от ста до ста двадцати медяков. Медяки тоже различались по весу и стоимости, но их хождение в империи было более всего распространено, чем золото, а тем более "Красавчики".

Зажатую в моем кулаке монету не смог бы поменять ни один торговец на базаре этого поселка, а узнай о ней посторонние и за нами началась бы настоящая охота. Крап понял это не хуже меня и настороженно спросил.

– Что будем делать?

– Я надеялся на серебро, ну в крайнем случаи на золото, а тут ...

– Я понимаю, но с этим, – он кивнул на мой кулак – что будем делать?

Я полез в кармашек пояса, достал серебряную монету и отдал Крапу.

– Отдай продавцу как задаток. Пусть все упакует и доставит вечером в гостиницу. Иди, зови женщин. Скажи, что мне плохо стало. – Мальчишка развернулся вставая, но я остановил. – Узнай сколько всего надо заплатить.

Мальчишки-проводника уже не было на месте и это к лучшему, не хотелось, что бы он был свидетелем моего конфуза. Увидев с далека прилизанного мне расхотелось идти через центральный вход и я повел своих через двор и кухню. Не успели мы дойти до наших комнат, нас перехватил прилизанный и игнорируя женщин обратился ко мне.

– Если вы не внесете часть оплаты за комнаты вперед ...

Я не стал дожидаться конца его ультиматума и задал свой вопрос.

– И что ты сделаешь? Выгонишь нас на улицу? Заткнись, и вали на свое место. Передай хозяину, что я хочу с ним побеседовать.

Я сам ошалел от своих слов, но наверное на меня подействовал так стресс и до комнаты я дошел на "ходулях". В комнате, за столом уселись хозяйка, Крап и я. Без всяких объяснений я показал "Красавчика", все еще зажатого у меня в кулаке и спросил совета. Хозяйка сама не ожидала подобного поворота, молчком пожала плечами и с надеждой посмотрев на сына, предложила.

– Может мои украшения?

Это конечно выход. У каждой женщины имеются украшения, пусть не у каждой дорогие, но украшения имеются у всех. На стол легла наволочка захваченная из замка. Крап и хозяйка, на пару, начали разбирать украшения, выбирая кандидата на продажу. В дверь постучали, я вскочил, выхватил меч и застыл в ожидании. Хозяйка опустила свою руку на мою и успокаивающе произнесла.

– Успокойся, я сама поговорю.

Стук в дверь повторился и из-за двери раздался голос прилизанного.

– Хозяин ждет. Я провожу.

Хозяйка вернулась к столу, из кучи украшений взяла ко-

лечко с голубым камешком и шепнула.

– Ты молчи, я сама буду торговаться.

Еще бы я возражал. Стоимость подобного украшения я вообще не представлял. Для меня, самым большим богатством был мой серебряный. Я кивнул головой, спрятал меч и направился к выходу.

Прилизанный изобразил вынужденную улыбку и пошел впереди, не соизволив даже проверить, следуем мы за ним или нет. Лестница, второй этаж и дверь в конце коридора. Прилизанный постучал, испросил разрешение и первым прошмыгнул вовнутрь.

За массивным столом сидел не менее массивный человек. Край его верхней губы подергивался, когда он рассматривал нас. Приняв какое-то решение, его нос пошел морщинами и он вопросительно посмотрел на прилизанного, тот слегка присел и залепетал.

– Господин управляющий, эта парочка ... – Я перебил его.

– Выйди. Мы сами умеем говорить.

После моих слов последовал кивок головой от управляющего и прилизанный закрыл дверь за нашими спинами.

– Будет говорить моя жена. – Без всякого обращения произнес я. Управляющий безразлично пожал плечами и посмотрел на хозяйку. Она без слов положила на стол, перед ним колечко.

– Я не ювелир. – Недовольно произнес управляющий не дотрагиваясь до колечка.

– И тем не менее, посмотрите. Сколько вы можете предложить за него.

– Краденное. – Это был даже не вопрос, утверждение, как будто подобная вещь ни как по-другому к нам попасть не могла. У хозяйки дернулась щека и она в вызовом произнесла.

– Мой муж наемник.

– Два серебряных и бесплатное проживание два дня.

– Вы наверное правы, вы не ювелир. Разумней будет обратиться к специалисту.

На мой взгляд угроза очень слабенькая, но на управляющего подействовала. Он взял колечко, прищурившись рассмотрел его, провел камнем по стеклянному бокалу, вызвав неприятный скрип и предложил.

– Пять серебряных.

– Я соглашусь на двадцать пять. – Заявили хозяйка и высокомерно уставилась на управляющего.

– Это слишком много. Ювелир столько не даст.

– Он предложит в два раза больше. – Уверенно возразила она.

– Может быть, – вяло согласился он – и за одно, поинтересуется откуда оно у вас.

– Войны иногда преподносят много сюрпризов. Я уже говорила, мой муж наемник.

– Слишком молод твой муж. – Нагло заявил управляющий и снизил цену. – Пятнадцать, или идите к ювелиру, а лучше

всего сразу в яму.

Ни когда бы не подумал, что подобное изделие стоит таких денег, но хозяйка не успокоилась.

– Хорошо, пятнадцать и бесплатное проживание в гостинице три дня, уход за нашей лошадкой и оплата сегодняшней покупки.

– Какой поку-упки?! – Возмутился управляющий, оперся на стол и начал приподниматься.

– Покупки одежды на три с половиной серебряного, предоплату мы уже внесли.

Управляющий опустил обратно в кресло, с ненавистью посмотрел на хозяйку и кивнул головой. Выдвинул из стола ящик, достал плоскую коробку, отсчитал из нее пятнадцать серебряных кругляшей и сдвинул в нашу сторону. Я был потрясен одним видом такого количества серебра, а хозяйка сдернула с меня шапку, сгребла в нее монеты, сунула мне в руки и молчком вышла из комнаты. Я за ней.

Второй наш выход в поселок состоялся на следующий день. Целью нашего похода была оружейная лавка. В результате этого похода я заимел новый лук. Ну, не сказать что новый, но значительно лучше моего и два колчана стрел к нему. Крапу подобрали детский лук, под его руки и более практичный пояс. Крапу и Салис нашлись легкие, кожаные доспехи, больше похожие на куртки с дополнительными нашивками кожи на спине и груди. Свою кольчугу я менять не стал, а меч поменял, на более узкий и длинный. На этом на-

стоял Крап. Себе он выбрал полумеч вместо длинного ножа. Я лично, присмотрел самострел для Салис, но узнав цену ...

В общем, наш поход к оружейнику скушал одиннадцать серебряных монет из пятнадцати, но мы получили хороший совет в придачу. "Долго в поселке не задерживаться". Оружейник при этом указал на круглое клеймо на оставленном у него мече. Я оправдываясь буркнул, что взял его в бою, на что оружейник кивнул головой и спросил.

– Лук тоже?

На следующий день мы покинули поселок и гостиницу к большому удовольствию прилизанного. Я тоже был счастлив избавиться от постоянного созерцания его рожи. Не знаю почему, но мне ни когда не нравились прилизанные в общем. В них есть, что-то отталкивающее, скользкое, не надежное.

Глава 8

Узнав где мы находимся, хозяйка приободрилась и заявила, что через пятнадцать дней мы будем у ее родни. Она не уточнила у какой именно, но для меня хватило просто заверения, что через пятнадцать дней я буду свободен.

Дорога из Лештока вводила нас подальше от замка и надежда, что нас перестанут искать, возрастала. На этот день, на полуденный отдых мы не останавливались. Лошадка хорошо отдохнула, откормилась и не спеша тянула телегу, мало обращая внимания на придорожную растительность. К вечеру скрип колеса начал раздражать ни одного меня. Хозяйка оборачивалась, хмыкала недовольно и вздыхала. Появивши-

еся в стороне от дороги крыши домов подали нам надежду на избавление надоевшего скрипа. Еще около часа мы ехали по дороге и только потом, появилась возможность свернуть в сторону. Боковая дорога вильнула в ложбину и спряталась в подлеске. Совсем молодые кусты и деревья обступили дорогу со сторон. Вскорости дорога уперлась в мелководную реку и закончилась. Лошадка остановилась, опустила морду к воде и с удовольствием начала пить, а я растерянно закрутил головой в поисках дальнейшей дороги.

– Наверное по реке. – Ни к кому не обращаясь, произнес мальчишка и хлопнул вожжами, понукая лошадку к дальнейшему движению. Метров через пятьдесят или больше, дорога опять появилась выползая из реки, а через некоторое время вывела нас к крайней хате. Колесо у телеги начало выписывать восьмерки и скрипело через раз. Всем пришлось спешиться и идти пешком. Приблизительно на середине деревни я заметил большой, зажиточный дом. Ворота нараспашку и внутри суетились двое мужиков.

– Мужики! – обратился я к ним – В деревне кузнец есть?

– Нет кузнеца. – ответил один из них и с интересом посмотрел на нас – Тебе зачем кузнец?

– Колесо у телеги скоро отвалится, надо починить.

– Нет кузнеца. – повторил он и махнул рукой в сторону – Езжай в поселок.

– Мы от туда.

Он удивился, вышел со двора, посмотрел вдоль деревни,

от куда мы приехали и переспросил.

– С поселка, говоришь? А едите к нему.

– Ехали по дороге, увидели крыши домов, свернули с дороги и заехали в вашу деревню.

– Свернули говоришь? – Он опять глянул вдоль деревенской улицы и с сомнением спросил. – А как ехали?

– По дороге, через реку и сюда. – Пожал я плечами, не понимая к чему расспрашивает мужик.

– Врешь, ведь. – Обвиняюще выдал мужик, при этом скривившись.

– Зачем мне врать?

– Там дороги с весны нет. Ямину в реке промыло. У Ироса, лошадь с повозкой в ней канули, а ты проехал.

Я задумался не зная что сказать. Ну, была там глубинка, колеса телеги под воду ушли, мешки пришлось подхватывать, но ямины... Лошадка даже не остановилась. Морду в воду опустила, пофыркала и вытянула телегу опять на мелководье.

– А ты сам, сходи, проверь. – Предложил я обиженный не доверием.

– И то верно, проверить надо. – Согласился мужик.

– Портки не забудь сменные.

– Это зачем? – Насупился мужик.

– Проверять пойдешь, небось пешком, промокнешь и застудишь я...

Казарменный юмор обоим мужикам понравился, смея-

лись с удовольствием. Второй, покрепче первого, вышел со двора, подергал колесо, поцокал языком и высказал свое мнение.

– До поселка не дотянут. Отдай им свою, старую.

– Старую отдать? – возмутился первый – А зачем мне этот хлам?

– Не скажи. Колесо поправить, втулку сменить и получше твоей будет.

На меня мужики не обращали внимания в своем споре. Первый присоединился ко второму в осмотре и оценке телеги, вторично подергал колесо, заглянул под днище, покрутил недовольно головой и сказал, не глядя на меня.

– Серебряный и забирай мою телегу.

– Эту? – я кивнул вглубь двора, указав на телегу разгружаемую мужиками, а сам прикидывал, стоит ли вообще заниматься обменом за такие деньги.

– Не-ет. – протянул мужик – Эту не отдам и за два.

– Ну, а если старую, – я кивнул на второго мужика – мне и даром не надо.

– Тогда езжай на этой. – Хмыкнул мужик.

– И поеду сколько выдержит, а там брошу на дороге и пойду пешком, но ты уже ее не получишь.

– Бабу с детишками пожалей. – Скривился недовольно мужик.

– Это ты пожалей. – Возразил я.

– А мне зачем жалеть? – возмутился он – Баба не моя и

дети тоже. Твоя баба, ты и жалеёй.

– Серебряный не дам. – Недовольно выпалил я, хотя понимал, в его словах имеется смысл и о "своей" семье заботится надо мне, а не чужому дяде.

В нашу перепалку вмешался второй.

– Откуда едешь?

– Из поселка. – Буркнул недовольно я. Разговор меня начинал раздражать, пешком идти было не охота, но и серебряный отдавать жалко.

– Оно понятно, что с поселка. Вообще из далека едешь?

– Нет. Служил в найме. Прижил жену, детишек, попросил хозяина, он и отпустил.

– Паху выдал?

– Нет, срок не полный.

– Жмот он. – Неожиданно выдал первый мужик. – Лучник?

– Стрелок.

Мужики удивились и недоверчиво посмотрели на меня. Раньше, для меня тоже было безразлично, стрелок или лучник, а когда включили в особый отряд, десятник разъяснил. Для понимающих, стрелок – высшая специализация лучника и не каждый лучник, может стать стрелком, даже если будет тренироваться всю жизнь. Мужики знали.

– Стрельни. – Попросил второй.

– Зачем? – Немного удивился я.

– Ну, покажи, что умеешь.

– Ты меня в найм хочешь нанять?

– Не-е-е... В деревне это ни к чему. Если хорошо стреляешь, писульку к одному человеку дам.

– Зачем мне твоя писулька?

– Ты же найм ищешь, вот я и порекомендую.

– Давай лучше с повозкой решим. – Предложил я.

– Ты стрельни, тогда и с повозкой решать будем. – Наставил мужик.

Отказываться от найма было бы очень подозрительно, тем более до этого сам говорил, что ищу найм. Я скривил недовольную мину и разворачиваясь к телеге спросил.

– Куда стрелять? – Взял в руки лук и потянулся за стрелой из старого колчана.

– В дерево. – Выпалил первый мужик. Брать стрелу из старых запасов я передумал и вытащил совершенно новую. Обернулся к мужикам и немного с ехидцей уточнил.

– Понятно, что не в тебя. В какое дерево?

– Вона, за домом, верхушка торчит. – Ухмыляясь показал первый.

– Стрела бронебойная, пройдет на вылет, жалко потерять.

– Тогда в то. – Тут же нашелся мужик и указал на дерево, шагах в ста пятидесяти вдоль по улице деревни.

– Ты не тычь пальцем, говори конкретно, куда надо попасть.

– Во вторую ветку справа. – вмешался второй мужик – Излом видишь? Туда и цель.

Стрела вжикнула сорвавшись с тетивы и затрепетала в суке. Я и сам не ожидал такого результата, не обманул оружейник, лук действительно лучше прежнего.

Второй мужик, начал молча выпрягать мою лошадь, а первый, что-то настойчиво зашептал ему на ухо. Шептал долго, в чем-то убеждая, но в конце концов второй отмахнулся от него и зло буркнул.

– Отдай.

Через реку мы не поехали. На дорогу выехали на новой, старой, телеге с более низкими колесами. Она не скрипела, но вид у нее был хуже прежней. С этими переездами и возвращениями темнота застала нас в лесу. Возвращаться опять в деревню не хотелось, а ехать вперед ... Не хватало еще лошадь покалечить в темноте. Я подхватил лошадь под уздечку и свернул в прогал между деревьями, шагов двадцать неспешного движения и мы расположились на крохотной полянке. Лошадь решили не отпускать, привязали на длинный повод к телеге и сами устроились на ночлег. Женщины разместились на телеге, а мне с мальцом досталось место под ней. Ночи прохладные и пришлось по темноте ломать ветки для подстилки, что бы не застудиться. Я пожалел, что в городе не подумал прикупить пару одеял, теперь придется жаться под одним плащом.

Рано утром, когда серость начала только-только пробиваться между деревьями, по дороге проскакали верховые. По звуку не разобрать сколько, но мне показалось не менее де-

сятка. Не одним нам не спится под крышей и не один уже я проснулся. Мальчишка отлучился к ближайшему дереву, потом опять улегся и спросил.

– За нами?

– Почему решил? – Вопросом на вопрос ответил я.

– Слишком рано поднялись, явно кого-то догоняют.

– Если и так, то не понятно. Зачем мы им нужны? Или у вас что-то есть ценного из замка?

– Не знаю, сам об этом думал. Мама утверждает, что тоже не знает.

– Надо найти спокойное местечко и перетряхнуть все вещи, за одно, от лишнего избавиться.

Сон не шел. Я пролежал еще полчаса и поднялся, стал потихому собираться. Все постепенно проснулись и мы выехали из леса. Спать осталась самая младшая девочка, мать заботливо накрыла ее добавочным плащом, подоткнув по краям. Утренний холодок заставлял всех кутаться в плащи, но я поостерегся надевать свой, солдатский, а безрукавка не особо грела и время от времени, приходилось совершать короткие забеги, что бы согреться.

Лес закончился быстро, но теплее не стало. Подул боковой ветер, разгоняя последние остатки утренней дымки и с небольшой горки, открылась часть деревни, с примыкающими к дороге домами. У меня в душе шевельнулась жалость и обида, на казалось бы, не справедливость. Всего-то и надо бы проехать часок по темноте, что бы переночевать под

крышей, но кто же это знал.

Еще не доезжая до крайних домов, мы услышали ржание лошадей и покрякивание людей. Я придержал лошадку и помог ей свернуть перед первым домом на неприметную дорожку. Она тянулась между распаханых полей и огородами на позадах домов. Я поспешно согнал мальчишку с передка телеги и почти приказал, всем залезть на телегу и накрыться плащами, что бы со стороны походило на поклажу. Ехать, ранним утром со стороны дороги, в сторону деревни, было подозрительным и я спешно развернул телегу и поставил ее лошадью к дороге. Сам сделал вид, что поправляю поклажу и с напряжением стал дожидаться всадников.

Они не заставили себя долго ждать. Из-за ближайшего дома выметнулись верховые и трое передних придержали своих лошадей и один из них крикнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.